

СЛАВА БОЕВЫМ ЗНАМЕНАМ КРАСНОЙ АРМИИ!

Мы отстояли
честь Родины—
мы победили!

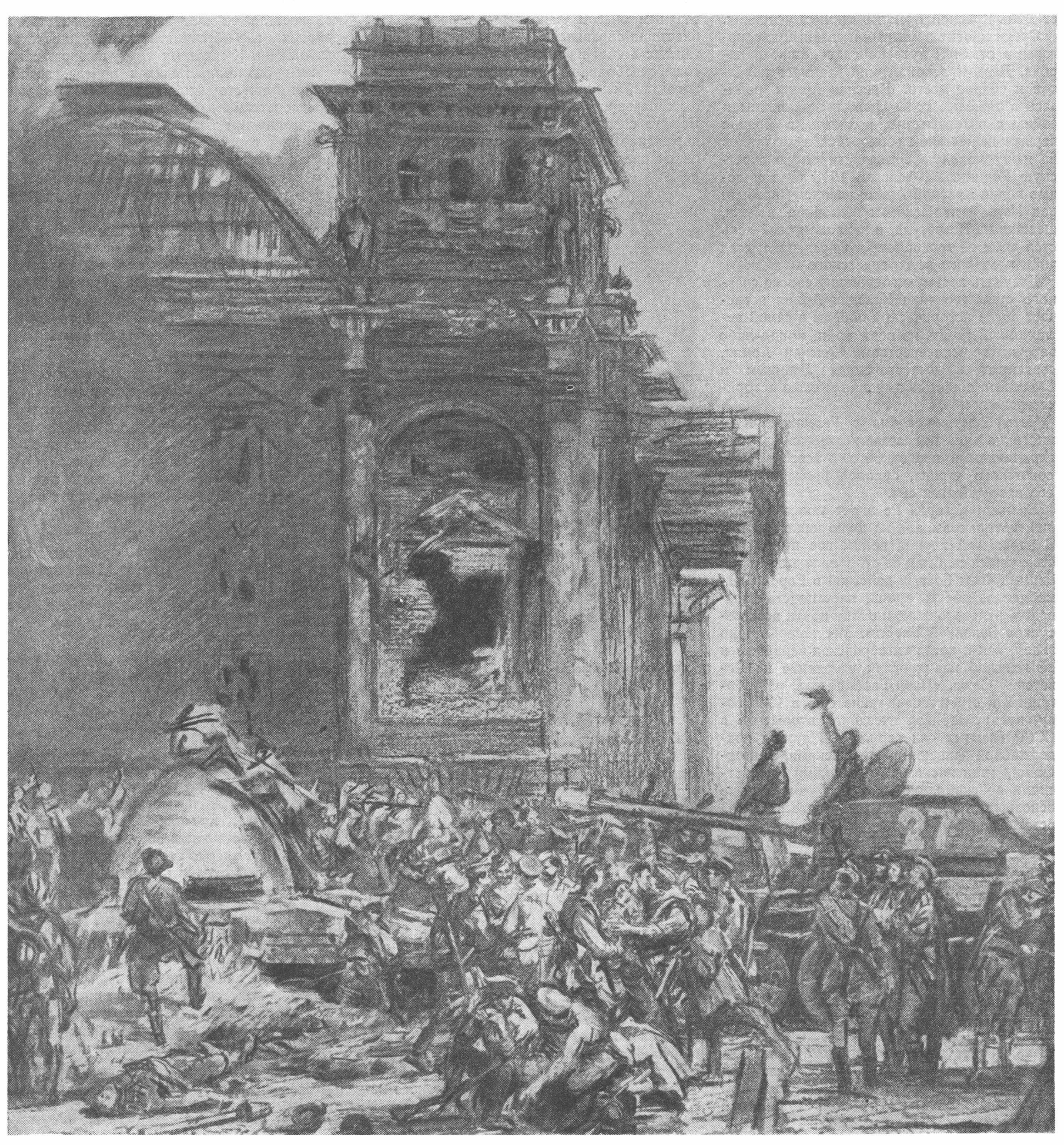
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

24-й год издания

ОГОНЁК

№ 7 (976)

Февраль
1946 года

ПОБЕДА (водружение знамени над рейхстагом).

Рисунок художника Д. Мочальского
(Всесоюзная художественная выставка)

ВЕРНЫЙ СТРАЖ МИРА НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ

Маршал Советского Союза А. Василевский

Впервые после грозных лет Великой Отечественной войны Советский Союз празднует День Красной Армии в мирных условиях.

Среди многих памятных и славных дат, которыми отмечен путь побед советского народа, День Красной Армии занимает почётное и видное место. Красная Армия родилась в тяжёлые годы гражданской войны и войны с интервентами, родилась в боях с первым нашествием германских захватчиков на нашу молодую социалистическую советскую Родину. 23 февраля 1918 года молодые полки Красной Армии наголову разбили под Нарвой и Псковом немецкие войска, шедшие на Петроград, и этот памятный день стал днём её традиционного праздника, стал днём праздника всего советского народа.

Двадцать восьмую годовщину своего славного существования Красная Армия встречает после исторической победы в самой величайшей войне из всех войн, когда-либо пережитых человечеством. Красная Армия, созданная и выпестованная Лениным и Сталиным, с честью выполнила свою историческую миссию.

Четырёхлетняя война с Германией и её многочисленными вассалами явилась великим испытанием и проверкой для всего нашего советского народа, суровой проверкой для его вооружённых сил.

Военная история не знает таких испытаний, которые выпали на долю нашей армии. В начальный период войны все преимущества, казалось, были на стороне врага: современный опыт боевых действий в Европе, отмобилизованность армий, внезапность нападения, использование в войне почти всех ресурсов Западной Европы. Мы теперь точно знаем, как и когда гитлеровская верхушка и её генштаб планировали нападение на Советский Союз. «План Барбаросса», разработанный в строжайшей тайне ещё в 1940 году, предусматривал внезапное вторжение в СССР главных сил германской армии, поддержанной финскими, румынскими, венгерскими, итальянскими, словацкими фашистскими войсками, окружение и уничтожение основных сил Красной Армии, оттеснение её остатков за Волгу.

В течение нескольких дней в конце июня 1941 года пограничная полоса от Баренцова до Чёрного моря стала ареной невиданного сражения. Противник ввёл в дело 170 дивизий, в том числе 33 танковых и моторизованных дивизии, 4 тысячи самолётов. Красной Армии предстояло отразить чудовищный натиск и защитить Советский Союз, а вместе с ним—Европу, мир, цивилизацию. Несмотря на то, что в этот исторический период Красная Армия должна была принять исключительно лишь на себя всю тяжесть этого натиска, она остановила врага, отбросила его от Москвы и Ленинграда, разгромила под Сталинградом. Оборонительный этап войны закончился полной победой сталинской стратегии. Но Красной Армии нужно было самой перейти в наступление и покончить с главным очагом фашизма и агрессии. Она блестяще справилась и с этой задачей. Двигаясь с боями на запад, наши вооружённые силы освободили народы Европы от немецкого ига, спасли человечество от фашистских варваров. После разгрома фашизма в Европе советские войска и флот ускорили поражение Японии и тем самым приблизили окончание мировой войны.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Фото Дм. Бальтерманц.

В чём источники могущества Красной Армии? В том, что наша армия и народ неотделимы, в том, что у нас социалистический строй, руководящей и направляющей силой которого является партия большевиков, в том, что у руля советского государственного корабля стоит великий Сталин. Товарищ Молотов, выражая мысли и чувства всех воинов Красной Армии, всех наших народов, сказал: «Это наше счастье, что в трудные годы войны Красную Армию и советский народ вёл вперёд мудрый и испытанный вождь Советского Союза — Великий Сталин. С именем Генералиссимуса Сталина войдут в историю нашей страны и во всемирную историю славные победы нашей армии».

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина могучее советское государство вышло победителем над Германией и Японией, оно стало ещё сильнее. Красная Армия оказалась достойной защитницей советского народа.

Теперь наша Родина вступила в период мирного развития. Миллионы советских людей восстанавливают народное хозяйство в районах, где бесчинствовали фашистские разбойники. К мирному труду возвратились воины-победители. Великая победа, завоёванная в ожесточённых сражениях, ковалась всем советским народом — воинами фронта и тружениками тыла, посвятившими в годы войны все свои усилия делу разгрома врага. Сейчас народы Советского Союза под мудрым водительством великого Сталина с огромным подъёмом, вдохновенно и организованно взялись за решение новых, поставленных партией Ленина — Сталина задач и не пожалеют сил, чтобы и в период созидания умножить свои победы в борьбе за дальнейший расцвет нашей социалистической Родины, в борьбе, программу которой мы получили в исторической речи товарища Сталина на предвыборном собрании 9 февраля 1946 года.

Красная Армия в мирных условиях совершенствует своё воинское мастерство. Воинам Красной Армии не пристало зазнаваться, успокаиваться на достигнутом. Вся Красная Армия должна учиться и учиться, настойчиво осваивая боевой опыт Великой Отечественной войны, обогащая свои знания, развивать и двигать вперёд советское военное искусство.

У нас нет более важной задачи, чем задача закрепить нашу победу, которой мы добились в непрестанной борьбе. Эта великая историческая победа открыла путь к новому великолепному подъёму нашей страны и к дальнейшему повышению жизненного уровня нашего народа. Бойцы, сержанты, офицеры и генералы Красной Армии всегда помнят, что мы всё ещё живём в системе государств, что корни фашизма и империалистической агрессии окончательно ещё не выкорчеваны.

Красная Армия, являющаяся первоклассной армией нашего времени, имеющей вполне современное вооружение, опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества, Красная Армия, осенённая славой побед и полная богатырской мощи, и впредь будет твёрдо стоять на страже наших границ, зорко охранять завоевания великой матери-Родины. Сознание этого окрыляет дух советских людей, воодушевляет их на новые подвиги во имя дружбы, счастья и процветания народов непобедимого Советского Союза. В этом единении народа и армии залог новых побед. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина мы уверенно пойдём к новым успехам социалистического строительства, к дальнейшему подъёму и расцвету нашей великой и любимой Родины.

Красная Армия — верный и зоркий страж мира.

Маршал Советского Союза А. Василевский

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

Вас. Захарченко

Победа...
Сколько лет в дороге длинной
Мы ждали дня возмездия,
когда
На Триумфальной площади Берлина
Последний разрядается солдат,
Оружье бросит и подымет руки...
И, опустив винтовки,
москвичи
Возьмут за все страдания и муки
Германии железные ключи.

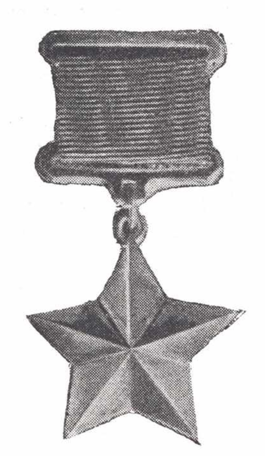
Потомки всё изучат в эти годы:
По картам — пыл
решающих боёв,
По цифрам — силу
хлеба и заводов,
По людям —
злое мужество твоё.
Но чем, скажи, измерить нашу силу,
Неведомо-таинственную, ту,
Которая вела и возносила
Россию на такую высоту?
Её слепыми цифрами не смерить...
Не рассуждая —
быть или не быть,
Она ложилась на весы судьбы,
В грядущее распахивая двери!
Мы были молоды...
Романтики, поэты,
Недосыпая,
сутки напролёт
На необъятных площадях планеты
Мы совершали тысячи работ.
Мыслители, творцы и командиры,
Мы вламывались в жизнь,
и не беда,
Что в тесноте нетопленной квартиры
Вынашивались чудо-города.
Сердец не отрывая от отчизны,
В жестоких испытаниях войны,
Мы поняли,
что нам дороже жизни
Тревожное дыхание страны.
И женщины —
красавицы России, —
Они руками ласки и любви
Рубили уголь, жали и косили,
Когда за них
мы падали в крови.
За будущее были мы в ответе,
И в этом пламенном стремленьи жить
В самих себе, возможно,
силы эти
Мы не смогли бы сами обнажить,
Но вы,
идя дорогой поколений,
Запомните, как пропуск на века:
Нас вёл в бессмертье за собою Ленин,
Нас направляла Сталина рука!

РАТЬ БОГАТЫРЕЙ

Русский народ всегда был превосходным воином. История нашего государства знает тысячи разительных примеров массового героизма. И не случайно один из иностранцев — современников обороны Севастополя в 1854—1855 годах — писал в своих мемуарах:

«Весьма сомнительно, чтобы какая-нибудь другая армия оказала в подобных случаях равную непоколебимость. Этому много способствовал русский национальный характер, то есть качества, которые весьма трудно усваиваются войсками или даже вовсе не приобретаются ими, но должны быть врождённые».

Внуки прославленных севастопольцев превзошли своих дедов. Воины, наголову разгромившие врага и изгнавшие его с родной земли, штурмом взявшие Кенигсберг, Будапешт, Берлин, как и деды, любят свою страну до самозабвения, отважны и выносливы. Но есть в них и новые качества; они не только солдаты,—они граждане, хозяева великой державы. Сознание собственного достоинства, своей исторической миссии в разгроме фашизма удесятеряло силы советских воинов, рождало подвиги, равных которым ещё не знал мир.

Родина достойно отметила отважных героев. Миллионы воинов, представляющих все братские народы Советского Союза, награждены орденами и медалями. Сотни тысяч бойцов и офицеров являются сейчас кавалерами многих орденов.

Более 10 тысяч бойцов, сержантов, офицеров, генералов, полководцев Красной Армии получили за время Отечественной войны высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Это звание присвоено вождю советского народа **Верховному Главнокомандующему Генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину**, под мудрым водительством которого страна одержала блистательную победу.

Маршал Г. К. Жуков, гвардии полковник А. И. Покрышкин и гвардии майор И. Н. Кожедуб за исключительные заслуги перед Родиной **награждены тремя медалями «Золотая звезда» и они трижды Герои Советского Союза.**

93 человека получили по две медали «Золотая звезда».

Звание Героя Советского Союза заслуженно носят:

9 маршалов, виднейших полководцев Красной Армии,— Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, А. А. Новиков, И. С. Конев, Л. А. Говоров, К. А. Мерецков, Р. Я. Малиновский, С. К. Тимошенко;

286 генералов различных родов войск;

6142 офицера — от младшего лейтенанта до полковника включительно;

2713 сержантов и

1343 рядовых бойцов.

Среди Героев Советского Союза представители **56 национальностей** страны, в том числе: **7191 русский, 1798 украинцев, 219 белоруссов, 149 татар, 91 казах, 89 евреев, 81 армянин, 72 грузина, 66 узбеков.**

Медали «Золотая звезда» получили **47 женщин** — военнослужащих Красной Армии, также вписавших немало ярких страниц в историю борьбы с фашизмом.

Биография каждого из Героев Советского Союза — своеобразная страница летописи Великой Отечественной войны, волнующая поэма о подвиге и любви к Родине, о воинском мастерстве и силе воли. Таков, например, боевой путь Александра Ивановича Покрышкина.

Отечественная война застала его у Прута. Здесь он получил первое боевое крещение, здесь сбил первый вражеский истребитель. С того времени слава его как храбрейшего и искуснейшего лётчика-истребителя росла с каждым днём. Но с особой силой и блеском мастерство выдающегося воздушного бойца развернулось летом 1943 года на Кубани. За пять месяцев напряжённых боёв часть, которой тогда командовал Покрышкин, уничтожила 200 немецких бомбардировщиков и истребителей. Счёт самого асса увеличился до 30 лично сбитых вражеских самолётов. Счёт рос. Последний. 59-й немецкий самолёт Александр Иванович сбил под Львовом. В тихую польскую деревушку на берегу Вислы, где расположилось соединение гвардии полковника Покрышкина, радио принесло весть о награждении его третьей медалью «Золотая звезда». Взволнованный до глубины души, трижды Герой Советского Союза сказал тогда:

— Каждый раз, когда Родина отмечает нас боевыми наградами, мы, лётчики, думаем о том, кто разбудил наши мечты в детстве, кто открыл перед нами просторы школ и аэродромов, кто взрастил и вдохновил нас, дал отвагу и железную стойкость, кто вооружил нас самым грозным оружием — неугасимой верой в победу нашего великого дела. Мы думаем о Сталине!

...17 «Юнкерс-87», 20 «Фокке-Вульф-190», 19 «Мессершмитт-109», 2 «Хейнкель-111», 3 «Хейнкель-129» и 1 «Пэл-29», а всего 62 самолёта сбито вторым, не менее знаменитым ассом — гвардии майором Иваном Никитичем Кожедубом.

Ему только 25 лет, но вся его сознательная жизнь принадлежит авиации. Ещё не окончив химико-технологического техникума в Шостке, Кожедуб юношей вступил в аэроклуб. Потом перешёл в Чугуевское авиационное училище и окончил его в 1941 году со званием сержанта. На фронт впервые попал 13 марта 1943 года. А через две недели получил боевое крещение в воздушной схватке над своим аэродромом. Первый немецкий самолёт был сбит им 6 июля в битве на Курской дуге. За первым последовали другие. Когда Красная Армия подошла к Полтаве, машину Кожедуба украшали уже 9 звёзд — по числу сбитых самолётов. В боях за Днепр лётчик показал высокий класс воздушного боя. Немцы тогда бросили на разрушение переправ и на бомбёжку наших плацдармов за Днепром всю свою авиацию. Кожедуб поднимался на своём «Лавочкине» по нескольку раз в день. 11 немецких самолётов похоронил он в приднепровских землях и потопил в водах Днепра. Бил Кожедуб врага над Прибалтикой, над Польшей, над Германией.

Из личного состава Военно-Морского Флота звание Героя Советского Союза получили **470 человек**, в том числе — **306 русских, 76 украинцев.** И каждый из героев-моряков множил славу советского флота, о каждом в своё время будут написаны целые книги. Вот **дважды Герой Советского Союза В. Н. Леонов.** Он из крестьян Зарайска, Московской области. Войну начал старшиной, окончил в звании капитана. Слава его как выдающегося мастера разведки и десантных операций в тылу врага облетела все корабли Северного флота. 50 раз высаживался Леонов с небольшим отрядом во вражеском тылу, вносил панику и смятение и выходил невредимым... Можно назвать и второго, столь же интересного человека — **дважды Героя Советского Союза капитан-лейтенанта А. О. Шабалина.** На его счету 4 крупных десантных операции и 7 потопленных вражеских кораблей.

Богата отважными сынами советская земля! По праву стяжала она славу страны героического народа!

МАРШАЛ-СОЛДАТ

Текст Б. Полевого

Сын вологодского крестьянина из лесной деревеньки Лодайно, Иван Степанович Конев служил в дни первой мировой войны фейерверкером в артиллерии. После революции, когда он пришёл из армии в родные места, сразу же развернулись все недюжинные способности этого талантливого, волевого человека.

Молодой большевик в старой солдатской шинели сразу же становится в родном краю одним из авторитетнейших партийных деятелей. Он организует в своём уезде советскую власть. Вскоре несмотря на свой юный возраст он уже председатель большевистского укома и уездный военный комиссар.

На верхнем снимке: слева И. С. Конев после демобилизации из царской армии.

Над молодой Республикой Советов нависли грозные тучи. Иван Степанович Конев осаждает окружного комиссара М. В. Фрунзе просьбами послать его на фронт. С помощью М. В. Фрунзе товарищ Конев возвращается в армию с тем, чтобы на этот раз навсегда связать с нею свою жизнь. Жизненный путь Ивана Степановича от солдата-артиллериста первой мировой войны до маршала Советского Союза, одного из любимейших полководцев нашего народа, интересен и очень поучителен.

Товарища Конева назначают военным комиссаром бронепоезда «102», носившего романтическое название «Грозный». Бронепоезд этот направляется на Дальний Восток, где в те дни в смертельных схватках с Колчаком, Семёновым, с японцами решались судьбы нашей Родины.

С первых же дней работы на бронепоезде молодой военком, в котором твёрдая воля сочетается с большим человеческим обаянием, а прирождённое военное дарование — с хладнокровной отвагой бывалого воина, завоёвывает сердца команды бронепоезда. Гарнизон этой маленькой крепости на колёсах постоянно передвигался по просторам Дальнего Востока и появлялся всегда на самых трудных участках фронта. Он совершал героические дела и не раз решал судьбу больших сражений. Тут, за гремящей бронёй поезда, где И. С. Коневу часто приходилось совмещать комиссарскую работу с обязанностями командира, он получает большой навык политической и командной работы. В феврале 1921 года большевики Забайкальского военного округа посылают товарища Конева на X съезд партии, и он вместе с другими делегатами исторического съезда, вспомнив свою старую профессию артиллериста, участвует в подавлении кронштадтского мятежа. На снимке слева внизу: И. С. Конев— комиссар бронепоезда «Грозный».

Окончилась гражданская война, мирные условия поставили перед Красной Армией новые задачи. Товарищ Конев деятельно участвует в очищении Красной Армии от троцкистов и перерожденцев, а когда партия большевиков ставит вопрос об укреплении командных кадров, прославленный комиссар гражданской войны, окончив высшие академические курсы, переходит на командную работу. Он командует полком. Воинская часть И. С. Конева всегда отличалась своей выучкой, дисциплиной, выносливостью, и на окружных маневрах её всегда ставили в пример. Её командир, суровый и требовательный к себе и к своим людям, но искренно влюблённый в военное дело и отдающийся ему целиком, умеет привить своим подчинённым не только дисциплинированность, но и любовь к военной профессии. Недаром даже не десятки, а сотни из тех, кто в мирное время служил под началом товарища Конева, стали потом профессионалами военного дела, талантливыми командирами полков, дивизий, корпусов, отличившимися во время Отечественной войны. На снимке справа: И. С. Конев — командир полка.

Великую Отечественную войну товарищ Конев начал командармом. Советские люди хорошо помнят короткие сообщения Совинформбюро о том, что части генерала Конева под Ярцевом остановили наступающие немецкие войска и отбросили немецкую бронетанковую армаду к Духовщине.

В дни разгрома немцев под Москвой И. С. Конев командует Калининским фронтом. Его войска, перейдя в стремительное наступление, разгромили левый фланг устремлявшейся на Москву немецкой группировки. Через год, когда центр боевых действий на советско-германском фронте перешёл на юг, товарищ Конев командует Степным фронтом, впоследствии переименованным во 2-й Украинский. Взаимодействуя с войсками генерала Ватутина, части Степного фронта разгромили Белгородско-Харьковскую группировку немцев. Так началось быстрое, бурное, всё сметающее, как вешний поток, наступление войск 2-го Украинского фронта через всю Украину. На снимке: товарищи Конев и генерал-полковник Захаров в дни Корсунь-Шевченковской операции.

С мая 1944 года И. С. Конев командует войсками 1-го Украинского фронта, который в те дни начал наступление на одном из ведущих направлений. Вот путь этого наступления: сначала огромный котёл, устроенный немцам у Брод, потом освобождение Львова, Перемышля, Ярослава, Жешува, стремительное наступление от Буга до Сана, от Сана до Вислы, мощный скачок через Вислу на плечах отступающего врага и занятие за рекой Сандомирского плацдарма. Этот плацдарм послужил потом трамплином для рывка войск 1-го Украинского фронта через всю Западную Польшу на Одер. Форсировав Одер и Нейсе, части фронта ворвались в Саксонию, заняли Дрезден и, взаимодействуя с войсками соседнего, 1-го Белорусского фронта, взяли с юга Берлин. И, наконец, завершающая операция этой войны, такая характерная для полководческого стиля И. С. Конева, — глубокий маневр большими подвижными силами, проделанный по чешским Рудным горам для освобождения Праги.

В дни наступлений значительную часть своего рассчитанного на минуты времени И. С. Конев проводил в своих войсках. Его «виллис» добирался до передовых позиций. Там, куда нельзя уже было ехать на машине, он ехал на коне или шёл пешком. Он часто наблюдал развитие или ход операций на самом остром участке наступления с дивизионного, а иногда и с полкового наблюдательного пункта. На снимке: И. С. Конев на наблюдательном пункте.

Советское правительство высоко оценило заслуги Ивана Степановича Конева. Он дважды Герой Советского Союза, награждён орденом «Победа» и многими высшими военными советскими и иностранными орденами. Население Чехословакии избрало его почётным гражданином своей столицы — города Праги. На снимке: торжественное вручение маршалу Советского Союза И. С. Коневу грамоты об избрании его почётным гражданином столицы Чехословакии — города Праги.

Фото Я. Рюмкина, А. Устинова и И. Шагина

ОБОЗРЕНИЕ

И. Ермашев

1. ИТОГИ ПОБЕДЫ

Предвыборная речь товарища И. В. Сталина принадлежит к тем важным политическим событиям, которые надолго останавливают на себе внимание мировой общественности. Как показывают отклики иностранной печати, нет, пожалуй, такой страны, где не обсуждалась бы речь творца величайшей победы. В одних случаях более полно, в других случаях сжато речь товарища Сталина опубликована многочисленными газетами, которые сопровождают её статьями, комментариями, высказываниями видных публицистов.

Товарищ Сталин говорил от имени великой советской державы, самой прогрессивной и передовой страны мира, сыгравшей решающую роль в разгроме фашизма, в спасении мировой цивилизации.

Вторая мировая война возникла не случайно, а как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма. В то же время, указывает товарищ Сталин, вторая мировая война существенно отличается от первой по своему характеру. Борьба против государств оси приняла с самого начала характер антифашистской освободительной войны. Вступление Советского Союза в эту войну ещё более усилило её антифашистский характер. Она была самой жестокой и тяжёлой из всех войн, когда-либо пережитых нашей страной. Но она также показала, насколько велико и могущественно советское государство. Советский Союз может гордиться итогами невиданной борьбы, означающими полную победу советского общественного и государственного строя, победу Красной Армии, которая наголову разбила сильнейшие армии врагов СССР.

За рубежом о силе Красной Армии, как и в целом о Советском Союзе, долгое время высказывались различные сомнения. Многие зарубежные «авторитеты» неоднократно заявляли, будто Красная Армия плохо организована, также плохо вооружена, не имеет настоящего командного состава, что её моральное состояние ниже всякой критики и что она, наконец, непригодна для наступления. Генералиссимус Сталин напомнил о предсказаниях насчёт того, что в случае удара со стороны немецких войск Красная Армия развалится, как «колосс на глиняных ногах». Что же оказалось? Война показала, что Красная Армия является не «колоссом на глиняных ногах», а первоклассной армией нашего времени, имеющей вполне современное вооружение, опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества.

Гитлеровцы надеялись на победу в единоборстве с Красной Армией, так как они были ослеплены предыдущими лёгкими победами над другими армиями Европы. После падения Франции на континенте не осталось никаких серьёзных армий, которые могли бы разбить немецко-фашистские полчища. Английская армия была ещё очень слаба весной 1941 года. Что касается Соединённых Штатов Америки, то, как говорится в отчётах начальника Генерального штаба армии США генерала Маршалла, они в конце 1941 года в отношении *реальных* военных сил представляли собой «третьеразрядную величину». Это подлинные слова Маршалла. Красная Армия одна выдержала удар немецких, финских, румынских, венгерских, итальянских войск и не только выдержала, но и отразила их удар, а затем, как известно, разбила все эти армии, довершив вместе с союзными армиями полный разгром германской военной машины. «Не нужно забывать,— заявил Генералиссимус Сталин,— что Красная Армия является той самой Красной Армией, которая наголову разбила германскую армию, вчера ещё наводившую ужас на армии европейских государств».

Да, действительно, теперь никто не может не признать, что Красная Армия является первоклассной армией, у которой, как сказал Генералиссимус Сталин, можно было бы поучиться многому.

Сила Красной Армии не только в её храбрости, а в могуществе советского общества и советского государства и прежде всего в его экономическом могуществе. Три первых сталинских пятилетки и незаконченная четвёртая пятилетка преобразили Советский Союз. В экономическом отношении СССР уже до войны в несколько раз превосходил старую Россию. Например в 1940 году в СССР было выпущено чугуна в четыре раза больше, чем в 1913 году, стали в четыре с половиной раза больше, угля в пять с половиной раз больше, нефти в три с половиной раза больше, товарного зерна на семнадцать миллионов тонн больше, хлопка-сырца в три с половиной раза больше. Несмотря на исключительные трудности военного времени, советская промышленность в последние три года войны производила ежегодно в среднем более тридцати тысяч танков, самоходов и бронемашин, сорок тысяч самолётов, сто двадцать тысяч артиллерийских орудий, четыреста пятьдесят тысяч ручных и станковых пулемётов, свыше трёх миллионов винтовок, около двух миллионов автоматов, сто тысяч миномётов и колоссальное количество боеприпасов. Только в одном 1944 году советские заводы выпустили свыше двухсот сорока миллионов снарядов, бомб и мин и семи миллиардов четыреста миллионов патронов. Красная Армия не испытывала недостатка в обмундировании, в снаряжении, в продовольствии.

Приведённые цифры дают наглядное представление о мощи экономической базы Советского Союза, созданной фактически за тринадцать лет.

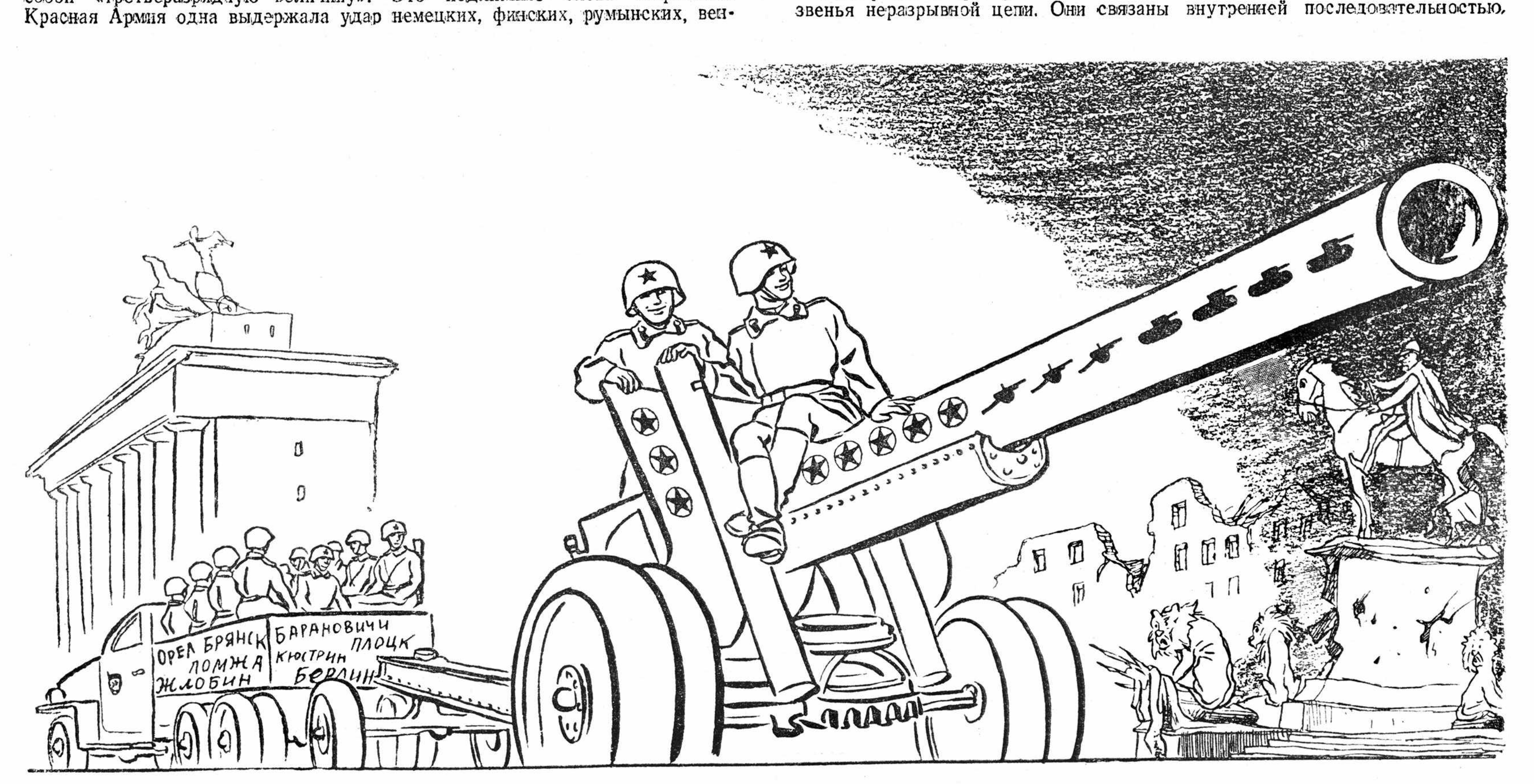
Этими итогами советские люди по праву гордятся, понимая, что экономическая мощь их отечества гарантирует ему мир и безопасность.

2. СССР ОБВИНЯЕТ

Когда 8 февраля у кафедры обвинения на Нюрнбергском процессе место занял главный обвинитель от СССР тов. Руденко, в ходе этого, во всех отношениях исторического суда открылась новая страница. Уже и прежние этапы суда, как и выступления обвинителей от США, Великобритании и Франции, бросили ярчайший свет на преступления гитлеровской клики. Но устами главного обвинителя от СССР тов. Руденко и его помощников говорит советский народ, который подвергся наиболее чудовищному, зверскому, вероломному нападению фашистской камарильи. Это нападение было заведомо преднамеренным, скрупулёзно подготовленным при невиданном попрании законов, правил, обычаев, традиций. Тов. Руденко обвинял от имени страны, которая абсолютно ничем не вызывала нападение, страны, наиболее миролюбивой и честно выполнявшей свои международные обязательства.

Нужно ли теперь доказывать, что гитлеровские преступления в целом и преступления против Советского Союза в особенности носят исключительно и только преднамеренный характер? В ходе процесса было уже предъявлено немало неотразимых доказательств, которые уличают фашистских главарей, сидящих на скамье подсудимых, во всех мыслимых преступлениях. И всё-таки несмотря на это всё, что сказано и доказано представителями советского обвинения, имеет величайшее значение.

Гитлеровские преступления — это система. Они все представляют собой звенья неразрывной цепи. Они связаны внутренней последовательностью,

Автобиография одной гвардейской части. Рисунок И. Семёнова

Одно преступление влекло за собой следующее и последующее — и так до самого конца. Но в этой системе есть одно решающее звено — преднамеренность. В любом преступлении преднамеренность есть наиболее отягчающее обстоятельство. Какое же значение имеет это обстоятельство, когда речь идёт о преднамеренности преступлений против человечности, против народов, против всей цивилизации! В фашистском заговоре против мира преднамеренность является движущим началом.

Гитлеровская клика понесёт заслуженное наказание. Но человечество на этом не будет считать свою задачу законченной, ибо мало устранить зло: должны ещё быть беспощадно обнажены все его корни, разоблачено всё то, что питало эти корни. Должны быть созданы условия, при которых не могли бы произрастать на нашей земле такие смертельно ядовитые и отравленные плоды.

Сила фашизма сломлена. «Тысячелетнее» гитлеровское царство развеяно в прах. Фашистский застенок разбит вдребезги. Но отвратительная «мораль» фашизма — всё дозволено! — ещё витает над живущими. Где гарантии, что тайные приспешники фашизма, теперь временно притихшие, залезшие в различные щели и норы, не попытаются современем создать легенду, подобно легенде об «ударе ножом в спину», сотворённой кайзеровскими последышами и широко эксплоатировавшейся гитлеровской кликой? Именно теперь, в ходе становления мира — демократического, справедливого мира,— должны быть приняты меры против возникновения каких бы то ни было легенд. Это тем более важно, что Гитлер и его преступные сообщники, как известно, не останавливались ни перед какой ложью, ни перед каким грубым обманом, провокацией, фальсификацией, чтобы замаскировать свои чудовищные преступления.

Фашизм физически похоронен. Он должен быть похоронен и морально. И Нюрнбергский процесс в этом отношении оказывает неоценимую услугу человечеству, всеобщему миру.

Уже доказано, что те войны, которые Гитлер вёл в Европе, вёл как бандит и разбойник, как садист и убийца, как поджигатель и грабитель, служили в основном подготовке главной войны — против Советского Союза. Этот факт проходит красной нитью через всю предисторию и историю войны, затеянной гитлеризмом. Все разбойничьи планы — «зелёные», «белые» или как бы они там ни назывались — в конечном счёте являются только составными частями основного «плана Барбаросса». Если ещё задолго до появления этого плана, собственно с самого начала своего прихода к власти, гитлеровская шайка бредила разбойничьим нападением на СССР, то уже вполне конкретно с 1938 года агрессия Германии в Европе имела своей целью подготовку и осуществление фашистского варианта «Дранг нах Остен».

Главный обвинитель от СССР тов. Руденко привёл многочисленные документы из гитлеровских архивов, которые полностью это подтверждают. Уже на совещании 23 мая 1939 года, на котором присутствовали Гитлер, Геринг, Редер, Браухич, Кейтель, Мильх, Гальдер и другие, обсуждался вопрос о нападении на Советский Союз. При этом шла речь ни о каких-либо сантиментальностях, к которым так любил прибегать в своих выступлениях главный фашистский разбойник, а о бандитской прозе — о захвате советского хлеба, советской нефти, вообще всех советских богатств, об истреблении 30 миллионов советских людей и уничтожении советского государства. План военных действий против СССР уже был вполне разработан весной 1940 года. Тогда и возник «план Барбаросса». Это подтверждается и документами, на которых имеются подписи Кейтеля и Иодля. Напомним, что в это время был в силе советско-германский пакт, заключённый в конце августа 1939 года.

Гитлер торопил своих сопреступников, ему не терпелось скорей ввергнуть Германию и Европу в самую кровопролитную и преступную войну. Спешно сколачивался фашистский блок, в который втянули Финляндию, Венгрию, Румынию. А когда, наконец, 22 июня 1941 года Гитлер развязал эту войну, он сам, а также Риббентроп, дрожащий теперь за свою шкуру на скамье подсудимых, Геббельс, от которого осталась только смердящая падаль, Геринг и все прочие надрывались по радио в лживых измышлениях о том, что они якобы прибегли «к самозащите».

Не только военное нападение было тщательнейшим образом запланировано, но также были подготовлены военные преступления против жизни советского народа. Инструкции о массовых убийствах и опустошениях были разработаны задолго до начала военных действий; органы, которые должны были направлять эти преступления, и банды палачей — все эти «зондеркоманды», особые отряды СС, СД и все прочие виды носителей смерти — были заранее сформированы, распределены и с первого же момента войны приведены в действие. Если гитлеровские преступления сразу же приняли неслыханно чудовищный масштаб, если фашистским преступникам удалось зверски умертвить на советской земле миллионы людей и произвести разрушения, которые причинили Советскому Союзу ущерб на сумму в 679 миллиардов рублей, то это всё результат одного и того же: преднамеренности преступлений на советской территории.

Вот этого нельзя забыть ни на мгновение! И мы этого не забудем.

Немецкое жизненное пространство под Москвой.
Рисунок В. Климашина

3. К БДИТЕЛЬНОСТИ!

В середине февраля в столице Польши Варшаве начался суд над 23 членами фашистско-бандитской организации, именующей себя «Народове силы збройне», что означает «Национальные вооружённые силы». Эта организация возникла в тот момент, когда немецкое тираническое иго над Польшей заколебалось, а затем и рухнуло под ударами Красной Армии, Польского войска и польских патриотов — партизан. Многочисленные кровавые преступления, совершённые членами «НСЗ», находятся, с одной стороны, в прямой связи с той борьбой, которую ведут против польской демократии её враги из лагеря фашистской эмиграции, а с другой стороны — в значительной степени предопределены планами немецко-фашистских преступников.

На Нюрнбергском процессе представители Польши опубликовали весьма важный документ, из которого следует, что между бандитами из «Народове силы збройне» и гестапо существовал тесный контакт. Немецкие оккупанты не только хорошо знали руководителей этой банды и, разумеется, их не трогали, но давали им поручения. Негрудно догадаться, что эти «поручения» состояли в организации террористических актов против польских патриотов, диверсий в тылу освободительных советских войск и Польского войска.

Но и после того, как германский фашизм сгинул в результате совместных усилий демократических народов, шайки «НСЗ» продолжали совершать свои преступления. Руководство фашистским подпольем, которое раньше делили между собой немецкие сатрапы и польские эмигрантские клики, целиком перешло к последним. Известно, что руководителем преступных шаек является штаб Андерса, от которого они получают указания и материальные средства. Недавно польская печать сообщила о том, что один из зарубежных центров террористов находится в Швейцарии и возглавляется известным польским авантюристом Демидович-Демидецким. Этот проходимец, давно связанный с семьёй Невядомского, убийцы польского президента Нарутовича, играет весьма видную роль в среде польских фашистских заговорщиков.

Как ни запирались обвиняемые на процессе, суд в ходе допроса установил, что, по приказу пресловутого «генерала» Бур-Комаровского, шайки «НСЗ» остались в подполье, подготовляя мятеж с целью свержения демократического строя в Польше. Обвиняемые Волоник и Ярошинский были вынуждены признать, что «НСЗ» — террористическая организация, которая совершала не только индивидуальные убийства, но массовые резни, как, например, уничтожение жителей — мужчин, женщин и детей — деревни Венховины.

Тот факт, что эти банды получают указания извне, от органов, существующих на территории различных стран Европы, в том числе и на территории стран, оккупированных союзными войсками, придаёт процессу в Варшаве международное значение. Да и кроме того преступления, подобные тем, которые «НСЗ» совершает в Польше, фашистские подпольные организации пытаются повторять и в других освобождённых странах. Недавно сообщалось о раскрытии подпольных организаций фашистских террористов в Албании и Югославии. И там преступники получали указания извне.

С этой точки зрения, нельзя пройти мимо таких явлений, как терпимость, всё ещё проявляемая к отпетым фашистским головорезам. Агентство Франс пресс сообщает, например, о том, как заботливо репатриируют из Италии в Испанию фашистов из состава «Голубой дивизии» Франко, сражавшейся против Красной Армии на советско-германском фронте. Остатки этой дивизии, разгромленной советскими войсками, находясь в Италии, помогали Муссолини. Теперь этих фашистов собрали в Генуе и оттуда на пароходе отправили в Испанию, хотя среди них имеется немало преступников. Такое покровительство соучастникам преступлений Гитлера и Муссолини, конечно, подбадривает фашистов во всех странах, ибо для них самое главное — безнаказанность.

Бдительность! — вот к чему призывают подобные факты. В Европе сохранилось ещё не мало остатков фашизма, и, если не вести против них самой решительной борьбы, они останутся угрозой миру. Независимо от того, как они называются — «НСЗ», «фалангисты», «неофашисты», — они все должны разделить судьбу Гитлера и его преступных сообщников.

РАЗРЕШИТЕ СКАЗАТЬ

Виктор Урин

Я писал бы, как ветер ныряет в сугробе,
Как бежит он за лыжами, шарф теребя...
Но когда стало тесно презренью и злобе,
Захотелось придти и сказать от себя:
— Кто топтал мои книги? Сжигал мои зданья?
Кто бомбил мои клубы и мой Днепрогэс?
Подсудимые, встать! Вот мои показанья!
Я свидетель. Идёт Нюрнбергский процесс.
...Это в Харькове было. Когда это было?
Геринг знает! Ему задаю я вопрос:
— То не вашими ль бомбами разворотило
Дом по улице Фрунзе, где жил я и рос?
Где мой дедушка? Где? Он был худ и оборван.
Он упал. Вы услышали старческий стон.
Вспоминаете? Что же молчите вы, Борман?
Укажите мне место, где он погребён.
Я держу фотографию... воздух вдыхаю,
И невольно срывается яростный крик:
— Вот невеста моя! Вы случайно в Дахау
Не встречали её? Отвечайте же, Фрик!
Знать хочу я, из чьей человеческой кожи
Изготовлен портфель Розенберга. Из чьей?
Кто ответит за все преступления? Кто же?
Или надо не здесь нам искать палачей?
Каждый воин и труженик, дравшийся с ними,
Прокричит изо всех человеческих сил:
— Это я,— слышишь, немец? — руками своими
На скамью подсудимых тебя посадил.
Вся планета в траншеях, в морщинах от горя,
Всюду раны сочатся... Поди, сосчитай:
Сколько крови хватило бы... нет, не на море,
Даже море любое пошло б через край.
Миллионы замученных... счёта им нету...
Но, уже присягнув человечеству — жить!—
Миллионы свидетелей бродят по свету,
Ищут площадь, где бешеных будут казнить!

БАЛЛАДА О РЕЗЧИКЕ ПО ДЕРЕВУ

Микола Нагнибида

Ворокута дни и ночи
Резал дерево надиво.
Немцы выкололи очи,
А какой он был красивый!
И над голубым Дунаем
Чайки плавали, стеная,
Горько плакали над ним.

Ночью люди прибежали:
«Где ты, мастер?» Как умели
Раны все перевязали,
Уложили на постели,
Хлопотали как над сыном:
«Чем займёшься ты отныне,
Мастер славный и слепой?»

Ворокута с силой новой
Людям выскажет всю душу.
И резцы уже готовы,
И в саду срубили грушу,
И колоду вносят в хату
Гордо, словно трон в палату.
Ворокута весь расцвёл.

В погреб спрятали крестьяне
Ворокуту и глядели,
Чтобы тэ — от них житья нет! —
Взять слепого не сумели.
По ночам водили в поле,
Чтоб вдыхал он воздух воли
Вместе с ветром и землёй.

Вдруг он крикнул: «Люди! Люди!»,—
Будто слышал дальний бой,
В Аккермане гром орудий!
Пахнет дымом и судьбой!..
Руку сильную поднявши,
Зашептал он: «Наши, наши!»—
И как молния прозрел.

И пришли в село солдаты,
Все в пыли, в дыму войны.
Сразу опустели хаты,
Людом улицы полны.
Люди пели, танцовали,
И знамёна полыхали.
Ворокута тут как тут.

На трибуне держит слово
Генерал совсем седой.
Он из чутких рук слепого
Взял подарок золотой:
Деревянные скрижали,
И на них товарищ Сталин —
С трубочкой в зубах — живой!

Перевёл с украинского
Лев ОЗЕРОВ

ПОЛКОВОДЕЦ

Андрей Малышко

За Сталинградским крутояром,
Когда слепила ночь огнём,
Когда сердца дышали жаром,
Всегда мы помнили о нём.

Нет, не одни слова приказа!
И гнева правого устав
Нас вёл от гор седых Кавказа
До Вислы шатких переправ.

Сердца нам ярость оросила
И подняла в полёт орла,
Недаром веры нашей сила
Во взгляде Сталина жила.

И дети близких узнавали,
И матери, сквозь плач и смех,
Благословенье посылали
Спасителю и другу всех.

Что ж, кровь не вечно будет
сниться!
Но не забудется тебе
Та занесённая десница,
Что указала путь судьбе.

Перевёл с украинского
Марк ШЕХТЕР

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА

А. Гидаш

I

Мне природа твердит всё о нём, всё о нём,—
Ливнем, стужей, ветром бездомным,
То рисует на окнах, то дышит огнём,
И кричит мне и шепчет: помни!
Помни! — кружится ветер в краю снеговом,
Помни! — ливень бормочет в листьях.
Отзывается эхо в сознаньи моём,
И бегут, разрыдавшись, мысли,
Как пугливая стая. Вразброд! Наугад!..
Степи горбятся, лес кренится...
...Он простёрся под взмокшей землёю, солдат,
И молчат пустые глазницы.

II

Его глаза всего красивей были...
Когда глаза такие смотрят в небо,
Наверно, ни одна из звёзд краснеет
И ни одна всю ночь заснуть не может.
И лишь под утро несколько слезинок,
Подобно звёздам, падают на землю.
В его глазах надежд заветных столько,
Желаний жгучих, и огня, и воли,
Что если б их закрыть, они светились.
Казалось, для него сверкали вёсны,
И лето для него плоды качало,
Чтобы к нему, любуясь им, тянулись.
Они закрылись, те глаза, навеки,
Открылись окровавленные губы,
Лишь в уголках — суровая улыбка.
Двадцатилетний, он не станет старше.
Всё кончено.
Так пусть же нестерпимо
Бушует мести пламя, свищут бури!
Пусть яростно на них рванётся море!

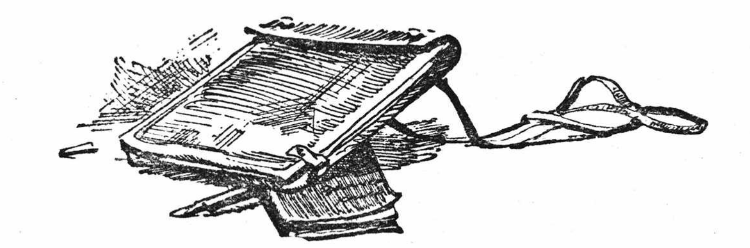
Авторизованный перевод с венгерского
Марка ШЕХТЕРА

Генералиссимус Советского Союза
Иосиф Виссарионович Сталин

Фото С. Гурарий

ЖИВАЯ

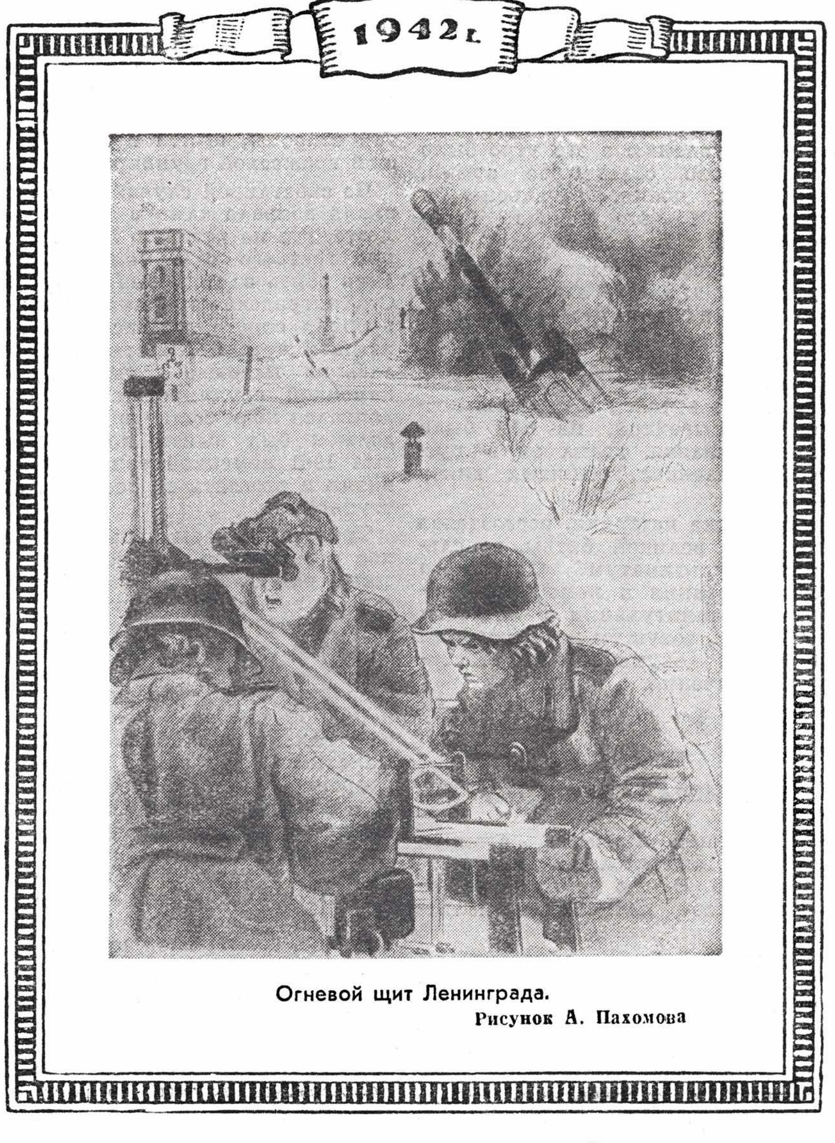

ИСТОРИЯ

Б. Галин

Из блокнота военного корреспондента

Рисунки В. Богаткина

Огневой щит Ленинграда.

Рисунок А. Пахомова

УЛЬТИМАТУМ

Вот так и бывает у военных людей: каждый имеет что-то своё, заветное и особенное, вызывающее в памяти целый мир волнующих образов, связанных с войною, с тем, что пережито и совершено.

И кто бы ни был этот военный человек: боец, офицер, генерал,— взяв в руки старую фляжку с пробитым горлышком или глядя на отработанный когда-то лист карты, потёртой на сгибах, он обязательно задумается и, точно это было вчера, вспомнит былое, увидит себя, своих боевых друзей, куски живой истории...

Вот и этот большой белый конверт, тяжёлый, плотный, и хранящийся в нём документ,— кусочек сталинградской истории. Он находится у главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова.

На конверте надпись: сверху — по-русски, внизу — по-немецки:

«Командующему окружённой под Сталинградом 6-й германской армией генерал-полковнику танковых войск Паулюсу или его заместителю».

В конверте ультиматум. Тот самый, который представители Главного Командования советских войск по приказу Ставки предъявили немецкому командованию под Сталинградом в дни исторической битвы. Сохранился и черновик его, написанный от руки, с исправлениями, уточнениями. Каждое слово ультиматума было взвешено: его читал и утверждал Верховный Главнокомандующий.

И пока текст ультиматума передавался по телеграфу в Москву для окончательного утверждения, в штабе Донского фронта шла напряжённая работа. Ультиматум переводили с русского языка на немецкий. Это было трудоёмкое занятие. Требовался перевод, точный по форме и по духу содержания. А когда перевод с русского языка был сделан, решено было для большей точности и проверки перевести его с немецкого на русский. Делалось это с той целью, чтобы устранить малейшие расхождения в переводе.

В ночь на 8 января 1943 года, когда из Москвы, из Ставки, пришёл утверждённый текст ультиматума, в Штаб фронта, в деревню Заварыкино, были вызваны три советских воина — два офицера и боец-трубач,— которые добровольно вызвались пойти в расположение немецких войск и вручить командованию 6-й германской армии советский ультиматум.

Ультиматум был отпечатан на бланке Представителя Ставки Верховного Главного Командования. С предельной ясностью и точностью в нём излагалась обстановка:

«6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 года.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путём наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались: спешившие вам на помощь германские войска разбиты частями Красной Армии, и остатки этих войск отступают на Ростов...»

В ультиматуме излагались условия капитуляции. Коротко и грозно звучали его последние строки, предупреждавшие командование германских войск под Сталинградом, что при отклонении им предложения о капитуляции войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены пойти на уничтожение окружённых германских войск...

Возник вопрос: куда, на какой участок фронта, направить парламентёров? Советские войска в эти дни готовились к новому наступлению. Решено было направить парламентёров на тот участок фронта, который, по плану наступления, не являлся главным направлением удара. 8 января, в 10.00 утра, советские офицеры и боец-трубач направились к переднему краю противника. Немцы уже были предупреждены по радио, что к ним идут советские парламентёры. Перестрелка прекратилась. Три советских воина шли по направлению к вражеским траншеям. Под зимним небом, на земле, взрытой снарядами и бомбами, раздавались звуки трубы — это боец-трубач давал сигналы.

Советские парламентёры подошли к ограждённому проволокой переднему краю немецкой обороны. Прошла минута, другая... Эсэсовские офицеры приказали своим солдатам уйти в окопы, затем немцы открыли огонь — ружейный и пулемётный.

Злобные, жестокие и обречённые фашисты хотели устрашить советских парламентёров. Три советских воина под обстрелом продолжали спокойно стоять у самой проволоки, на виду у немецких войск. Наши молчали. Выдержав долгую паузу, три советских воина повернулись и ровным, спокойным шагом направились к своим. Как только они дошли до окопов переднего края, был отдан приказ открыть огонь и отработать весь этот участок фронта немецких войск.

Всю ночь и всё утро следующего дня текст ультиматума нами передавался по радио. Парламентёры были направлены на другой участок. Здесь их беспрепятственно пропустили, завязали им глаза и провели в штаб немецкого батальона. Немецкие офицеры пытались взять у них пакет с ультиматумом. Но советские парламентёры настаивали на прямой передаче ультиматума в руки адресата — командующему 6-й германской армией. Их вывели за пределы расположения немецких войск; сняв повязки, парламентёры вернулись к своим.

Всё сильнее сжимались клещи Красной Армии. Враг был обречён. В ночь на 10 января войска фронта были готовы к началу нового, генерального наступления, осуществляемого по сталинскому плану. Во всех наших частях был оглашён приказ за № 26. Вполголоса его зачитывали в штурмующих батальонах, которые первыми должны пойти в атаку. Вот эта листовка с приказом Военного совета фронта:

«Боевые друзья! Бойцы, командиры и политработники! Настал час окончательного разгрома и уничтожения окружённой немецкой группировки под Сталинградом! Сегодня вы их грозные судьи, и приговор ваш должен быть суров и беспощаден.

В победный, решительный бой, дорогие товарищи!

За Родину, за Сталина, за героический Сталинград!

Победа будет за нами!»

Пусть наши потомки знают, что условным сигналом к генеральному наступлению в это утро было одно слово, облетевшее армии, дивизии, полки, батальоны и роты... И это слово было «Родина»!

...В первых числах февраля в русской деревне Заварыкино в крестьянскую пятистенную избу ввели взятого в плен командующего 6-й германской армией, разгромленной под Сталинградом. Он зябко кутался в шинель, подбитую цыгейкой, на нём была шапка-ушанка, ходил он в русских валенках, обшитых внизу кожей...

Будущие историки, воссоздавая картину великой битвы, используют ультиматум Советского Командования к немецким войскам о капитуляции и листовку к бойцам, зовущую на решающий бой, как документ первостепенного значения.

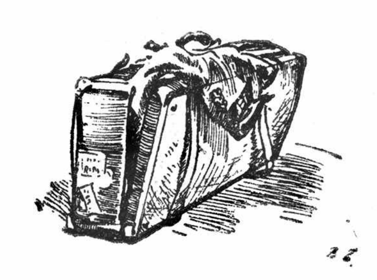
ЧЕМОДАН ГЕНЕРАЛА ШМИДТА

Полковник Вавилов откинул крышку вместительного кожаного чемодана. В нём находилось всё «хозяйство» начальника политотдела.

Вавилов был заместителем командира гвардейской дивизии, прославившей себя боями в Сталинграде. Он хотел познакомить меня с рукописью — историей дивизии. Став на корточки, грузный и широкоплечий, Вавилов извлёк на свет божий какие-то бумаги. Перебирая их, он задумчиво произносил: «Сталинград», «Обоянь», «Ворскла», «Полтава», «Кременчуг»...

Это были отпечатанные на папиросной бумаге копии политдонесений, фотографии, приказы... Вавилов перерыл все бумаги, но нужной рукописи не нашёл: куда-то она запропастилась. Он с досадой захлопнул крышку, вытирая вспотевшее лицо, присел на чемодан и пригласил меня сесть рядом; чемодан был солидный. Я спросил: откуда он у Вавилова?

— Из Берёзовки, — тяжело дыша, сказал полковник. — Собственно говоря, чемодан этот проделал большой путь — из Германии в русскую деревню Берёзовку...

И только он произнёс слово «Берёзовка», как вся его досада на пропавшую «историю дивизии» исчезла. Бой, о котором рассказал мне Вавилов, принадлежит к числу наиболее интересных боёв, проведённых гвардейской дивизией генерала Бакланова. По военной привычке, Вавилов прутиком рисовал мне на земле обстановку и ход боя.

...Летом сорок третьего года, когда наши войска перешли в наступление на Курской дуге, дивизии Бакланова была поставлена задача — прорвать фронт немецкой обороны, выйти в тыл большой вражеской группировки.

По счастливой случайности, дивизия вбивала клин в том самом месте, где на рассвете 5 июля сорок третьего года немцы пытались вбить клин в нашу оборону. Сталинградская гвардия успешно пробила ворота для всей наступающей армии. Дивизия прорвалась на тыловые коммуникации немецкой группировки. Впереди двигался полк офицера Щура. Он должен был выйти поглубже в тыл 19-й немецкой танковой дивизии и отрезать ей все пути отступления.

Тревожные часы провёл Бакланов в роще под Берёзовкой. Он ждал радиосообщения от Щура, что тот достиг намеченного пункта. И когда пришло это донесение, Бакланов перенёс свой командный пункт в село Берёзовку, в колхозную школу. Тут, в ночной темноте, офицеры штаба дивизии столкнулись с германскими офицерами. Это были квартирьеры 19-й танковой немецкой дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Шмидт. Отступая, Шмидт наметил свой командный пункт также в Берёзовке.

— Опоздали, — усмехнувшись сказал Бакланов, уже обосновавшийся в берёзовской школе.

— Аусгешлоссен! Заперто!

Всю ночь шёл проливной дождь, и до утра Бакланов бодрствовал: орудия, пехота и танки седлали дороги, по которым должны были прорываться немцы. На рассвете баклановские железные клещи стали сжимать, расчленять и уничтожать немецкую танковую дивизию. Генерал Шмидт ничего не мог противопоставить искусному маневру русских войск. Охваченный отчаянием, он застрелился в роще у села Берёзовки.

В брошенном чемодане немецкого командира дивизии находились ценные документы, там же лежал парадный мундир Шмидта со всеми его орденами...

РЕМЕШОК

Это была обыкновенная военная фуражка стального цвета. Фуражка танкиста. Она выцвела от солнца, дождей и морозов. Ничего особенного в ней не было, если не считать маленького лакированного ремешка, выделявшегося на околыше. И я бы, наверное, не заметил этого маленького ремешка, если бы гвардии подполковник Шухардин, заместитель командира танковой бригады, не обратил моё внимание на фуражку капитана М. и особенно на ремешок.

Подполковник Шухардин рассказал мне о боевых делах бригады, шедшей в передовом отряде к Одеру. Говорил он сухо, с той деловитостью, которая, наверно, присуща всем заместителям командиров по строевой части. Он показывал мне по карте путь бригады. И, как это иногда бывает у корреспондентов, у меня не хватило духу прервать его; я видел только карту и руку подполковника.

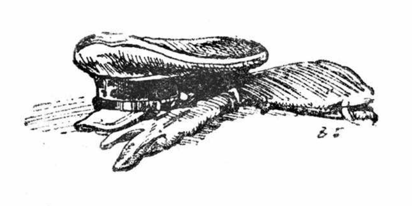
Беседа наша происходила в февральские дни сорок пятого года в немецкой деревушке близ Одера. Неожиданно в штаб вошёл капитан М., батальон которого, по словам Шухардина, был направляющим в прорыве к Одеру. Капитан поздоровался со всеми, снял фуражку и положил её на стол рядом с картой.

— Чудный ремешок! — вдруг сказал Шухардин и весело подмигнул. — Где ты раздобыл такой красивый ремешок?

Хозяин фуражки, красивый молодой офицер, побагровел, что-то глухо пробормотал и, взяв фуражку со стола, поспешно ретировался. Едва он вышел, сразу раздался громкий хохот сидевших в штабе офицеров. Громче всех смеялся сам Шухардин. Всё ещё улыбаясь, он продолжал по карте рисовать мне путь бригады. Я воспользовался наступившей секундной паузой и спросил подполковника, в чём тут дело...

— Весь гвоздь в ремешке, — сказал Шухардин и коротко рассказал маленькую историю; он потянулся было к карте, потом махнул рукой: дескать, без карты всё будет ясно.

Вот этот эпизод. Когда бригада в январе сорок пятого года вошла в прорыв на Первом Белорусском фронте, батальон капитана М. первым ворвался в город и станцию С., к западу от Варшавы. Танки капитана М. стали громить скопившиеся на станции немецкие эшелоны, командир батальона увлёкся и не заметил, что оправившиеся немецкие части отрезали его от бригады. Капитан М. со своим батальоном чересчур задержался в городе. А между тем Шухардин, шедший в авангарде бригады, получил новую задачу — быстро идти вперёд.

Подполковник по радио приказал капитану М. поскорее выбираться из города и следовать по новому маршруту. Сначала разговор шёл по коду, потом в силу обстоятельств обе стороны перешли на открытый текст. Капитан М. усомнился в подлинности приказа. Как это так: в самый разгар боя ему предлагают выходить? И он сообщил по радио, что Шухардин не мог отдать такого приказа. Он требует подтверждения, что с ним говорит именно Шухардин, а не кто-либо другой...

Подполковник Шухардин сгоряча выругался. Каждая минута была на учёте, нужно было быстрее двигаться вперёд. И в этот миг его словно осенило.

— Слушай, Олег, — сказал по радио Шухардин капитану М., — помнишь третьего дня ты зашёл ко мне в штаб и я сделал тебе замечание: фуражка у тебя была без ремешка. Я даже хотел посадить тебя на гауптвахту... Помнишь?

— Точно, — ответил капитан М.

И, собрав свои танки, он вырвался из города и без промедления последовал за Шухардиным.

С тех пор каждый раз, как только капитан М. входит куда-нибудь со своей фуражкой, ему тотчас говорят с самым невинным видом: «Какая чудная у тебя фуражка! Где ты раздобыл такой красивый ремешок?»

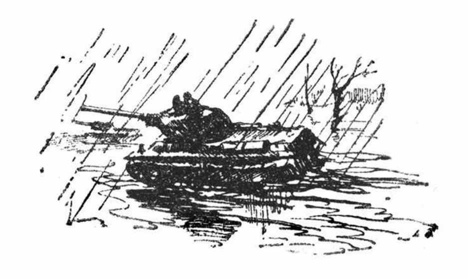
ПОДАРОК ДОВАТОРА

В марте сорок четвёртого года за Горынь-рекою, на одной из фронтовых дорог, я увидел высокого, плечистого командира в чёрной лохматой бурке. Он стоял у дерева, пропуская мимо себя танки. Дул порывистый ветер, шёл дождь, смешанный со снегом. Воздух содрогался от скрежета железа. Танки погружались в месиво грязи, сильные двигатели, напрягаясь, с бешеным воем выбрасывали вперёд могучие тела машин. Земля оттаяла, тянулась к солнцу, пьянела от запаха весны. Человек в бурке, облепленной грязью, испытывал огромное наслаждение при виде танков. Это был командир танкового соединения генерал Катуков. Армия ступила на старые дороги войны, танки двигались на запад, к границе.

Полгода спустя за Вислой я снова увидел Катукова. Пехота и танки вели жестокую борьбу за первые метры отвоёванного плацдарма. Всю ночь над лесом по одному и тому же курсу шли немецкие самолёты. В лесу, где расположился КП, было сыро, ночная мгла застилала густые высокие ели. Катуков прислушивался к взрывам, доносившимся с переправы. Земля вздрагивала, как бы оседала под ногами. Генерал танковых войск был в своей старой казачьей бурке.

Девять месяцев спустя, в первые дни мира, на западной окраине Берлина я снова встретил Катукова. В штабе в углу висела его старая бурка. В этот день, беседуя с Катуковым, я понял, почему он так дорожит ею. Это была бурка Доватора, командира конного корпуса.

В сорок первом году казаки и танкисты занимали один рубеж на Волоколамском шоссе. Танки Первой гвардейской бригады, которой командовал полковник Ка-

туков, стояли в центре оборонительной линии, справа держала оборону дивизия Панфилова, а слева — казаки Доватора. В одном из боёв, когда танкисты своими контратаками выручили конников, Доватор позвонил Катукову и сказал, что он горячо благодарит танкистов за помощь и в знак вечной, скреплённой кровью дружбы дарит ему свою бурку.

Связь внезапно оборвалась, командирам не удалось закончить разговор. Начались новые сильные бои. В одном из боёв погиб Доватор. Но товарищи Доватора свято выполнили его волю: они прислали Катукову казачью бурку. С тех пор Катуков не расстаётся с ней. Из Берлина, из города-спрута, в котором вынашивались семена зла и человеконенавистничества, откуда по широким бетонным автострадам были двинуты на восток, в СССР, тысячи и тысячи моторов огромной немецкой военной машины, — с этого последнего рубежа войны генерал-полковник Катуков всматривался в далёкий московский рубеж, где зимой сорок первого года Красная Армия нанесла германской машине свой первый могучий удар. И, натягивая на свои плечи лохматую бурку, Катуков как бы чувствовал боевую молодость свою...

«ПРИКАЗ № 1»

Если бы даже в моём корреспондентском блокноте не было ни одной записи, связанной с апрельскими днями сорок пятого года, достаточно взглянуть на

этот приказ, чтобы многое вспомнить... Он отпечатан на грубоватой, шершавой бумаге оранжевого цвета. Это приказ начальника гарнизона и военного коменданта города Берлина генерал-полковника Берзарина, приказ № 1.

В двадцатых числах апреля сорок пятого года штаб Н-ской армии, которой командовал генерал Берзарин, расположился в старом замке на восточной окраине Берлина. День и ночь шли бои, — битва за Берлин вступала в последнюю фазу. Ночью в высоких окнах замка отражались огни далёких и близких взрывов. Деревья в парке лежали поваленные, изуродованные. Командующий армией, плотный седеющий генерал, с удивительно живыми карими глазами, работал всю ночь. Он сидел на стуле, по-домашнему подогнул ногу, охватив ладонями седую стриженую ёжиком голову. Перед ним лежала карта — план Берлина, тот участок города, где наступали дивизии его армии.

Пульс битвы учащался с каждым часом, с каждой минутой В Берзарине, как у Чуйкова, Богданова, Кузнецова, как у всех генералов, сражавшихся в Берлине, жило ревнивое чувство — хорошо бы первому прорваться к рейхстагу. Но в голосе Берзарина была та спокойная сила, которая так влекла к нему людей. Душной апрельской ночью, разговаривая по телефону с генералом Рослым, слушая его донесения, заштриховывая цветным карандашом на карте отбитые у немцев дома и кварталы, Берзарин вполголоса, мягко говорил:

— Хорошо, хорошо... Вижу!..

Но и его, спокойного и сдержанного человека, вдруг охватило возбуждение — это когда ему позвонил начальник штаба армии. Берзарин узнал от него, что, по полученным сведениям, соседи Берзарина, особенно правый, более успешно продвигаются к центру, что Чуйков уже прорвался в район Темпельгофа и жмёт дальше... Берзарин заволновался и даже отрядил офицеров связи к соседям — посмотреть, что у них творится. Сам же позвонил командирам — генералу Рослому, потом генералу Фирсову — и, как он выразился, дружески предупредил их: «Смотрите, вырвут у вас рейхстаг. Не зевайте!»

Откинувшись на спинку стула, он мягко заулыбался и, растирая широкой смуглой ладонью усталое лицо, проговорил:

— Берлин!

В комнату вошёл адъютант. Он положил на стол пачку оранжевых листов. Бумага ещё пахла типографской краской. Где-то совсем близко упал шальной снаряд. Дом вздрогнул. Берзарин покосился на окно, прислушался к взрыву. Потом взял в руки пахнувший краской оранжевый лист и звучным голосом, ничуть не скрывая своей радости, прочёл вслух:

— «Сего числа я назначен начальником гарнизона и комендантом города Берлина.

Вся административная и политическая власть по уполномочию командования Красной Армии переходит в мои руки.

Приказываю:

1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах.

2. Национал-социалистскую немецкую рабочую партию и все подчинённые ей организации распустить и деятельность их воспретить...»

И, положив на оперативную карту, дышавшую жаром боя, приказ № 1, Берзарин проговорил:

— Всё правильно!

Приказ № 1 был отпечатан на русском языке и на немецком. Формально ещё существовал где-то в подземельях «новой имперской канцелярии» немецкий комендант Берлина генерал Вейдлинг. Там, в подземельях «новой имперской канцелярии», укрывшись под железобетонными плитами, метался где-то охваченный страхом «фюрер». Но подлинным хозяином Берлина, его настоящим комендантом, был советский генерал, назначенный Командованием фронта.

Ночью над Берлином разразилась гроза. Раскаты грома, короткие вспышки молнии переплетались с артиллерийской канонадой. От этой канонады вздрагивало всё — земля, чёрное, прорезанное багровыми зарницами берлинское небо.

На другой день германская столица увидела приказ № 1.

Сапёр Глотов. Он прошёл путь от Сталинграда до Берлина.

Рисунок К. Молчанова

Ещё простреливались в центре отдельные улицы, падали снаряды, горели и рушились дома. Но бойцы быстро и ловко развешивали приказ: на железных фермах у входа в станции метро, откуда порой доносились глухие выстрелы и где шёл бой с эсэсовцами, на широких закопчённых тумбах, на обгорелых стенах домов, на высохших, покрытых гарью и пылью деревьях, на провисших фермах мостов через Шпрее.

В полдень на Кепеникштрассе я увидел генерала Берзарина. На плечи его поверх кожаного пальто была накинута плащ-палатка. Моросил дождь. Сама природа, казалось, отвернулась от этого грешного города. Низко плыли тучи, небо было затянуто чёрным дымом. По улицам деловито ходили наши сапёры с длинными щупами. В каменных воротах примостилась полевая кухня; слышна была русская речь. Берзарин с хозяйским видом смотрел, как вышедшие из подземелья метро жители Берлина читают приказ № 1.

Комендант Берлина продолжал командовать армией; его полки и дивизии вели жестокие уличные бои. И в то же время нужно было налаживать жизнь в чужом

городе. Надо было решить тысячи самых разнообразных вопросов: дать свет, очистить метро от трупов, пустить его первую линию, наладить выпечку хлеба. Ему звонили командиры корпусов каждый час. Они сообщали о положении, советовались с ним.

— Хорошо, хорошо, — выслушав командиров корпусов, отвечал Берзарин, — чем хитрее, тем лучше. И чем побыстрей, тем ещё лучше...

Шли последние часы берлинской битвы.

Японские тяжёлые орудия на выставке трофеев. Захвачены нашими войсками при разгроме Квантунской армии.

БОЕВЫЕ ТРОФЕИ

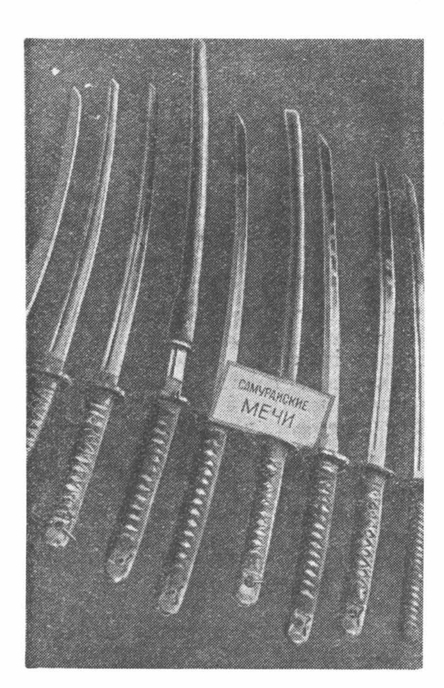
Генерал-лейтенант Р. Хмельницкий

Фото Н. Колли

Свыше пяти с половиной миллионов человек посетило выставку образцов трофейного имущества, захваченного Красной Армией в ходе Отечественной войны.

На выставке представлено несколько тысяч экспонатов самого различного назначения: от тяжёлых бомбардировщиков до маленьких подрывных машинок, от портативных ручных пулемётов до мощных, 70-тонных танков и 305-миллиметровых мортир весом в 36 тонн.

Конечно, эти многочисленные образцы не исчерпывают, да и не могут исчерпать полностью всех видов вооружения фашистских войск. Против Красной Армии была мобилизована самая современная боевая техника в таких масштабах, каких не знала многовековая история войн. Никогда ни одна из армий не имела более сильного, опасного и технически оснащённого противника.

Миллионы посетителей выставки, знакомясь с образцами трофеев, составили наглядное представление о том гигантском арсенале, на котором базировались захватнические планы «завоевателей мирового господства».

Красная Армия, которая празднует нынче 28-ю годовщину своего существования, показала себя современной, технически оснащённой армией, руководимой сталинскими полководцами. Её уничтожающую силу испытала гитлеровская армия со своей чудовищной материально-технической базой. Красная Армия выдержала ожесточённый натиск фашистских орд и сокрушительными ударами перемолола живую силу и вражескую технику.

Как бы ни изощрялась военно-техническая мысль противника, какие бы новинки ни выставлял он на фронте, судьба их всегда была одинаковой: Красная Армия громила эти новинки, а их образцы незамедлительно появлялись на выставке трофеев в качестве экспонатов. Так было с пресловутыми «тиграми», «фердинандами» и «пантерами». Так было со всеми модернизированными изданиями «мессершмитта», «хейнкеля» и «юнкерса».

Осенью 1945 года войска 1-го Дальневосточного фронта прислали на выставку 80 вагонов с образцами захваченных ими боевых трофеев.

К 29 крупнейшим фирмам и концернам военной промышленности Европы, продукция которых представлена на выставке в разделе артиллерийского и стрелкового вооружения, добавились японские заводы и фабрики.

Длинная колонна японских орудий разных типов вытянулась вдоль набережной Москвы-реки, напротив колонны немецкой артиллерии, как бы символизируя два обломка треснувшей оси «Берлин—Токио».

Дальнобойное 150-миллиметровое орудие, чей ствол и лафет размещаются на двух тележках, 45-тонная гаубица калибра 240 миллиметров, пушки, снаряд которых пробивает 100-миллиметровую броню, и другие орудия, захваченные при разгроме Квантунской армии, выстроились против артиллерийских систем большой мощности, взятых при штурме Кенигсберга, Будапешта, Вены, Берлина.

Наряду с архаическими мечами самураев на выставке появились и высококачественные дальномеры, и 15-кратные стереотрубы, и точные приборы управления огнём, и такая техническая новинка, как 8-метровый перископ с вращающейся линзой: оптика, состоявшая на вооружении японской армии, соревновалась со знаменитой оптикой Цейса.

К «королевским тиграм» и «пантерам», «пасущимся» у выставочного павильона, присоединились укрощённые представители маньчжурской «фауны»: лёгкие, средние танки, танкетки...

Пушки, гаубицы, самолёты, сложные, совершенные и некогда грозные боевые машины, экспонированные на выставке, — всё это только «делегаты» тех кладбищ, на которых Красная Армия похоронила фашистскую военную технику.

КОРЕННАЯ ТАЙНОСТЬ

Из уральских сказов

П. Бажов

Рисунки И. Гринштейна

О нашем старинном златоустовском булате больше сотни годов разговор ведётся, да всё как-то на две стороны.

Оно, видишь, как вышло... При крепостном ещё положении сварили старики такую булатную сталь, против коей все тогдашние булаты в полном конфузе оказались. В те годы немецких приставников да прихлёбышей по заводу порядком околачивалось. Немцам, понятно, охота была такую штуку на себя перевести. Они и пустили разговор: мы, мол, придумали и русских мастеров тому обучили. Только горного корпуса инженер Аносов этого не допустил. Он в книжках напечатал, что сталь сварили без немцев. Те всё-таки не отпускаются. Всё едино, говорят, по нашим составам ту сталь сварили. Аносов и на это отворот дал и к тому подвёл, что златоустовская булатная сталь и рядом с немецкими не лежала. Да ещё добавил: коли непременно надо искать родню нашему булату, так она в тех старинных ножах и саблях, кои иной раз случается видеть у башкир и прочих народов той стороны. И закалка такая же. Нисколько она на немецкую не походит.

Немцы видят: сорвалась эта петелька, за другое принялись. Им ведь всего дороже было, чтоб у вышнего начальства думки не завелось, что наши мастера сами могут хорошее придумать. Вот немцы подхватили разговор о башкирских ножах да саблях и давай к этому приплетать. У наших, видно, к той поре ещё не прошла мода верить, будто всё путное у нас непременно из какой-нибудь чужой стороны перенято. Так и пошёл разговор, что инженер Аносов много лет ходил да ездил по разным кибиточным кузнецам и у одного научился булатную сталь варить. Которые пословоохотливее, те и вовсе огородов нагородили, будто Аносов у этого кузнеца сколько-то лет в подручных жил и нето собирался, нето женился на его дочери. Тем мастера и взял и тайность у него разведал.

Аносову, может, лестно показалось, как его расписывают, — он и смолчал. Вот с той поры и пошла в ход эта немецкого плетенья безрукавка: Аносов не сам до дела дошёл, а перенял чужую тайность, и то обманом. Про заводских мастеров и помину нет. Им привезли готовенькое, они и стали делать. Никакой тут ни выдумки, ни заботы.

Только безрукавка — безрукавка и есть. Сними верхнее — сразу руки увидишь. А всё-таки и до сих пор некоторые этого не разобрали. Про Аносова этак жалостливо рассказывают. Вот, дескать, какой человек был. Пяти ли, семи годов своей жизни не пожалел, по степям бродяжкой шатался, за молотобойца ворочал, а тайность разведал. Того в толк не возьмут, что Аносов был горного корпуса инженер. Таких, поди, в ту пору не сотнями, а десятками считали. При заводе тоже не без дела сидел. Выехать такому человеку на месяц — на два, и то надо у главного начальства спроситься, а тут, на-ка, убрался в степь на годы! Кто этому поверит? И кто бы отпустил его к кибиточным кузнецам в науку? По тем-то временам? Смешно слушать такое, да и зацепка одна есть. Вовсе надёжная. С неё не сорвёшься. Сколько ни крутись, а на нашем берегу будешь, на златоустовском, сам скажешь:

— Верное дело. Тут она, эта булатная сталь, зародилась, тут и захоронена.

Какие старики про эту зацепку хорошо знают, они так рассказывали:

— Приехал Аносов, верно, в ту ещё пору, как немцы в заводе силу имели, только сразу видно стало, что он их не больно боится и приверженности к немецкому не имеет. Рабочие, понятно, обрадовались. Кто помоложе, те в полной надежде:

— Этот покажет немцам! Того и гляди, к выгонке подведёт. Потому — молодой, а в чинах. Руку, значит, имеет.

Другие опять говорят:

— Покажет — не покажет, а нашему брату заступа, потому — свой, русский, и дело заводское, видать, понимает. Постараться надо для такого человека.

Старикам при крепостном-то положении больно много горького досталось, они и вышли маловерные.

— Постараться, — говорят,— почему не постараться, а распоясываться не след. У кого коренная тайность по мастерству имеется, с этим погодить надо. Потому недаром молвится: с барином по одной дорожке иди, а не забывай, что в концах разойдёшься.

Молодые слушать этого не хотят, кричат:

— Как вам, старики, не совестно такое говорить!

А те упёрлись:

— Больше вашего учёны! Знаем, что барин может тебя под плети положить, под палки поставить, по зелёной улице провести, а ты его — никогда. С тайностью, значит, погодить и погодить требуется.

На том всё-таки сошлись, что надо по работе стараться как лучше. Сталь в ту пору по мелочам варили, и был в числе сталеваров дедушка Швецов. Он уже вовсе ветхий был, еле ноги передвигал. Варил он сталь с подручным парнем из своей же семьи Швецовых, как обычай такой держался, чтобы отец сыну, дед внуку мастерство передавал.

Эти тоже мечтали о Волге...

Рисунок В. Вольского

Старик всегда варил хорошую сталь, только маленько разных статей, — вроде искал что-то. Немецкие приставники это, видно, подметили и первым делом отобрали у старика его подручного, загнали парня в дальний курень, а на его место поставили какого-то немецкого Вилю-Филю. Старик на это своей хитростью ответил: стал варить, лишь бы с рук сбыть. Вот этот старик Швецов и приглядывался к Аносову, потом и говорит:

— Коли твоей милости угодно, сварю хорошую сталь, только дай мне подручного, коему могу верить в полную силу, а этого Вилю-Филю мне никак не надо.

И рассказал, как было дело. Аносов выслушал и говорит:

— Ладно, дед, охлопочу тебе внучонка, а немца пускай сами учат, чему умеют.

Вскорости шум поднял с немецким начальством: почему порядок вверх ногами? Не на то вас сюда везли, чтобы вы своих ребят у наших мастеров обучали. Немцы отбиваются: нечему у старика поучиться. Ну, всё-таки уступили. Старый Швецов рад радёхонек, а молодой пуще того. Оба в полную силу стараются, Аносов похваливает:

— Старайся, дедушка!

Старик в задор вошёл:

— Дай срок, я тебе такую сварю, как на старинных башкирских ножах. Видал?

С этого и началось. Разговор в самую точку попал, потому Аносов давно ножами да саблями старинной работы занимался. Обрадовался Аносов и объявил:

— Коли сваришь такую, тебя и внучонка на волю выведу. Будь в надежде!

Что и говорить, как при таком обещании люди стараются! Дедушка Швецов из заветного сундучка какие-то камешки достал, растолок их в ступке и стал подсыпать в каждую плавку. Норовит сделать это без Аносова. Внучек спрашивает:

— Что это, дедушка, подсыпаешь? Почему от Аносова таишься?

Старик объясняет:

— Верно, парень! Мне и самому вроде стыдно перед Аносовым, а не могу иначе, потому тайность эта коренная. Тятя покойный с меня заклятие взял, чтоб до смертного часа никому не показывал. А смертный час придёт — велено передать надёжному человеку, только непременно из своего брата — из крепостных, а барину никак. Хоть золотой будь.

Так и работали они, с потайкой от Аносова. Старик на верную дорогу вышел, да не дотянул. Сварил раз сталь и говорит внуку:

— Пойдём поскорее домой. Не выварил, видно, я своей воли: в крепостных умирать привелось.

Пришли домой. Старик первым делом заклятие со внука взял. Такое же, как с него брал отец. Одно прибавил:

— Коли на волю выйдешь, действуй, как знаешь.

Потом старик открыл свой заветный сундучок, а там у него разные руды оказались. Объяснил, где какую искать, коли не хватит, и то рассказал, от какой

ДВЕ ЗАПИСКИ

Геннадий Фиш

Собираясь писать рассказ, посвящённый годовщине Красной Армии, я перелистал записную книжку, с которой не расставался и в боях в Норвегии, под Киркинесом, и в дни боёв в Маньчжурии, под Муданьцзяном. Из книжки выпали две записки, наброcанные на клочках бумаги.

Строки одной, написанные нашими лётчиками красным карандашом в тяжёлые дни отступления 1942 года, разборчивы и чётки. Строки второй, выведенные японским самураем в августе 1945 года, уже полуистёрлись, и с трудом можно что-либо прочесть.

Я снова перечитал эти записки. И в той и в другой выразительно проявился характер авторов, писавших их, характер поведения и разговора советского человека в первой и японца—во второй.

Первую записку я получил от товарища Куколева в конце августа 1942 года. Куколев до войны работал секретарём одного из сельских советов Карелии, а в те дни был командиром партизанского отряда имени Тойво Антикайнена.

В дремучих карельских лесах отряд этот окружили финские и немецкие карательные группы. Через топи и болота, вдали от населённых пунктов, голодая, отряд прорывался из окружения.

Августовской ночью на лесное озеро сел связной самолёт и увёз на Большую землю тяжело раненого партизана Ваню Юрьева.

Командира отряда партизаны несли на носилках. Он был болен, и многим казалось, смертельно. Но и в таком состоянии, на носилках, в течение двух недель он продолжал командовать и вести людей по тем местам, где с трудом проходит олень.

Семьсот километров по карельским лесам в тылах неприятеля прошёл отряд Куколева. А ведь про эти места ещё с издавна сложена пословица: «Карельские вёрсты узкие, но длинные». Свыше сорока боёв выдержали отважные партизаны.

И вот однажды над отрядом пролетел связной самолёт. Лётчик сбросил вниз записку. Вот она:

«Уважаемые товарищи партизаны! Все ваши поручения выполнены полностью. Долетели за 1 ч. 05 мин. Видел Вершинина и др. Скоро встретитесь с сильной нашей группой. Будьте, как прежде, твёрды. Ваня Юрьев—молодец и уже поправляется. Желаем успешного скорого возвращения. Когда-нибудь увидимся! С приветом лётчик-лейтенант Максим Зубков, бортмеханик Ив. Распутин. 20/VIII. 17.50».

Уважаемые товарищи
партизаны!!
Все ваши поручения
выполнены полностью
Долетели за 1 ч. 05 мин.
Видел Вершинина и др.
Скоро встретитесь с
сильной нашей группой.
Будьте как прежде тверды.
Ваня Юрьев - молодец и
уже поправляется.
Желаем успешного ско-
рого возвращения.
Когда нибудь увидимся!
С приветом
Летчик Лейтенант
Максим Зубков
Бортмеханик
Ив. Распутин
20/VIII 17.50

Перечитывая эту записку, поражаешься спокойному, уверенному её тону. Никаких высокопарных слов, никакой ложной патетики. Скромная, деловитая (и даже, с первого взгляда может показаться, будничная) записка, в самые тяжёлые дни дышащая полной уверенностью в конечную победу.

И всё, что обещано, исполнено.

Через несколько дней отряд Куколева встретился с сильной группой пограничных войск и затем был выведен для отдыха на Большую землю.

Отшумели великие битвы. По следам этого, ныне знаменитого рейда карельские комсомольцы теперь устраивают учебные походы. И так приятно было прочитать сейчас в списке вновь избранных в Верховный Совет депутатов имя Куколева, командира партизанского отряда, того, которому тогда была адресована записка.

Вторую записку я получил тоже в августе, семнадцатого числа, но в 1945 году, после ожесточённого боя за станцию Мадаоши, на подступах к Муданьцзяну. С окрестных сопок вели непрерывную стрельбу японские смертники, прячась в высокой кукурузе. Наши «самоходки» выкуривали врагов из каменных гнёзд. Среди обступивших дорогу рисовых полей генерал-полковник танковых войск товарищ Таранович дал мне эту записку.

Она была изъята при обыске у военнопленного, японского старшего солдата Синдо Кацуми.

Под страшной силой наших ударов японцы быстро откатывались с рубежа на рубеж. Нашей артиллерии, нашим танкам, нашей авиации, нашей стратегии они не могли противопоставить даже приблизительно что-нибудь схожее.

Сокрушительный разгром их был ясен. Уже вылетали наши воздушные десанты на Харбин, Мукден, Чанчунь, Гирин и в Корею. И всё же даже в этот момент японцы не могли удержаться от напыщенной патетики, от декоративных поз, от того блефа, который так характерен для всей японской политики и выражался как в заявлениях министров с парламентских трибун, так и в записках солдат.

Вот что писал Синдо Кацуми в своей записке, с одной стороны её — по-японски, а с другой — по-русски:

«Офицеры и Солдаты Красной Армии! Вот вы все узнали, что за народ Японец. Мы очень рады жертвовать собой за его величества Тенно. Может быть, вы покорите нас своими танками, но мы не боюсь будем воевать до последнего солдата, до последней капли крови».

Офицеры и Солдаты Красной
Армии
Вот вы все узнали, что за
народ Японец. Мы очень рады
жертвовать собою за Его Величества
Тенно. Может быть вы покорите
нас своими танками но мы не
боюсь будем воевать до последнего
солдата до последней капли крови

И всё-таки после всех этих громких фраз Синдо стал военнопленным.

А на другой день, 18 августа, начальник штаба сдающейся Квантунской армии генерал Хата в ставке маршала Мерецкова подписал акт капитуляции перед Красной Армией.

крепости прибавляется, от какой — гибкости. Одним словом, по порядку, а дальше и говорит:

— Теперь мне этими делами заниматься не годится, беги за попом!

Внук так и сделал — и старик не задержался, в тот же вечер умер. Похоронили старого мастера Швецова, а молодой — на его место. Парень могутный, в полной силе, и сноровка по делу имеется. Без подручного, конечно, ворочает, а сам по дедушкиной дорожке всё вперёд да вперёд идёт. Аносов тоже не без дела сидел. Бился над тем, как лучше закалять сталь из швецовских плавок. Долго не выходило. Ну, попал-таки в точку. Заводский же кузнец надоумил.

Вот тогда и вышел тот самый булат, коим наш завод на весь свет прославился. Аносов, может, и не заметил, что плавка-то уже после старика доведена. Всё-таки слово своё не забыл, стал хлопотать вольную молодому мастеру. Не скоро дали, да ещё пришлось пообещать, что ни на какой другой завод он не пойдёт. Швецов, понятно, такое обещание дал, а сам думает, что за воля без выходу! А тут ещё одна спотычка случилась.

Он, этот молодой Швецов, по делу часто бывал у Аносова в доме. Аносов в ту пору уже семейный был. Ребятишки у него бегали, и была у них в услужении девушка Луша. С собой её Аносовы привезли. Вот эта девушка и приглянулась Швецову. Домашние, понятно, отговаривали парня:

— В уме ли ты? Она, поди-ка, крепостная Аносовых. С какой радости они тебе её отдадут? Да и на что тебе нездешняя? Мало ли своих заводских девок!

Разговаривать о таком — всё равно, что воду неводом. Сколь ни старайся, толку не будет. Не родился ещё тот мастер, коему эта тайность ведома, почему одного к этому тянет, а к другому нет. Не послушался Швецов своих семейных, сам свататься пошёл. Аносов помялся и говорит:

— Это как барыня скажет, а я не могу.

Барыня поблизости случилась, услышала, зафыркала:

— Это ещё что за выдумки! Чтоб я свою Лушу ему отдала! Да она у меня в приданое приведена. С девчонок мне служит, и дети к ней привыкли!

И на мужа накинулась:

— Чему ты потворствуешь? Как он смеет к тебе с таким делом приходить?

Аносов объясняет: мастер, дескать, многое полезное сделал,—а барыня своё:

— Что ж такое! Сталь сварил! Завтра другого поставишь, он сварит! А Лушке я покажу, как парней приманивать!

Тут вот Швецов и понял, что и вольному коренную тайность для себя хранить надо. Он и хранил всю жизнь. А жизнь ему долгая досталась. Без малого не дотянул до пятого года. Многое на его глазах прошло.

Аносов отстоял златоустовский булат от немецкой прихватки, до тонкости рассказал, как тому булату закалку вести. С той поры булатная сталь и получила прозванье — аносовская, а варил её мастер Швецов.

Потом Аносовы уехали и Лушу с собой увезли. Говорили, что это немцы подстроили, только Аносов тоже себя не уронил: вскорости генеральский чин получил и том-

ским губернатором сделался. А тут и немцам выгонка полная вышла, и Аносов будто в этом большую подмогу сделал. Из старинных начальников про него больше всех заводские старики поминают, и всегда добрым словом:

— Каким он там губернатором был, нам неведомо, а по нашему заводу наредкость начальник был и много полезного от него видели.

Аносов недолговеким оказался. При крепостной ещё поре умер. После его смерти немцам сподручнее стало плетешок свой плести насчёт булата. А это им после выгонки-то вот как понадобилось. Ну, как же! На заводе сколько годов сидели, а самую знаменитую сталь сварить не умеют. Они и пустили в ход отговорку:

— Мы старинным оружием не занимались, а коли надо, так ещё лучше сварим!

И верно, стали делать ножи да сабли по отделке вроде наших, златоустовских. Только в таком деле с фальшью недалеко уйдёшь. Немцам пришлось это на себе испытать.

Была, сказывают, выставка в какой-то не нашей стороне. Все народы работу свою показывали и оружие в том числе. Наш златоустовский булат такого места не миновал. А немцы рядом с нашими свою подделку поставили да и хвалятся:

— Наш булат лучше.

Спор, понятно, поднялся. Народу около того места со всей выставки набежало. Тогда наши выкатили станочек, на коем гибкость пробуют, поставили свою саблю вверх остриём, захватили рукоятку в зажим и говорят:

— А ну, руби вашими по нашей! Поглядим, сколько у вас целых останется!

Немцы увиливать стали, а нос всё-таки кверху держат:

— Дикость какая! Тут не базар, поди-ка, не ярмарка, а выставка! Какая может быть проба? Повешено, — гляди!

Тут, спасибо, другие народы ввязались, особливо из военного слою.

— При чём, — кричат, — ярмарка? Сталь — не зеркало, — в неё не глядеться! Русские дело говорят, — давай пробу!

Немцы посовались, посовались, сбегали куда-то, потом говорят:

— Сейчас придёт наш человек и будет русскую саблю рубить.

Над этим, понятно, все засмеялись.

— Такого, — говорят, — правила нет, чтоб хозяева при споре сами свою работу пробовали. Ни вас, ни русских к этому делу не допустим. Своих судей выберем и найдём, кому рубить.

Так и сделали. Выбрали от всех народов, какие тут случились, по человеку в судьи, а на рубку доброволец выискался. Вышел какой-то военный, вроде барина, с сединой уж, ростом невелик, а кряжист, и говорит: булаты, дескать, знаю и к рубке привычен. Показал судьям какие-то бумаги. Те поглядели, головами покачивают:

— Лучше быть невозможно. Потрудись, пожалуйста!

Подали этому чужестранному человеку немецкую саблю. Хватил он с расчётом концы испытать. Глядь, — у немецкой сабли кончика не осталось.

— Подавай, — кричит, — другую! Эта не годится.

Освобождена Литва. Красное знамя снова реет над замком Гедемина...

Рисунок В. Климашина

Старик открыл свой заветный сундучок...

Подали другую. На этот раз приноровился срединки испробовать. И опять с первого разу у немецкой сабли половина напрочь.

— Подавай, — кричит, — новую!

Подали третью. Эту направил так, чтоб сабли близко рукояток сошлись, а конец такой же: от немецкой сабли у него в руке одна рукоятка и осталась. Все хохочут, кричат:

— Вот так немецкий булат! Дальше и пробовать не надо. Без судей видим, чего он стоит!

Наши всё-таки настояли, чтоб до конца довели пробу. Укрепили немецкую саблю в станок, и тот же человек стал по ней нашей, златоустовской саблей рубить. Рубнул раз — кончика не стало, два — половины нет, три — одна рукоятка в зажиме осталась, а нашей никакого изъяна, даже знаков на ней нет. Тут все шумят, в ладоши хлопают, на разных языках вроде как «ура» кричат, а этот рубака вытащил кинжал старинной работы, с золотой насечкой, укрепил его в станке и спрашивает:

— Можно мне по такому ударить?

Наши отвечают:

— Сделай милость, коли кинжала не жалко.

Он и хватил со всего плеча, — и что ты думаешь? На кинжале зазубрина до самого перехвата, а наша сабелька какой была, такой и осталась. Тут ещё натащили оружия, а толк один: либо напрочь наш булат то оружие рубит, либо около того. Рубака тогда оглядел нашу саблю, поцеловал её, покрутил над головой и стал по-своему говорить. Нашим переводят, конечно. Он, дескать, в своей стороне знаменитый по оружию человек, и накоплено у него множество самого редкого, а такого булату ему и видеть не доводилось. Нельзя ли эту саблю купить? Денег он не пожалеет. Наши, ясное дело, скупиться не стали.

— Прими, — говорят, — в памятку о нашем заводе. Хоть эту возьми, хоть другую выбери. У нас без обману. Один мастер варит, только в отделке различка есть.

Ножны ему тоже подарили, с выкладкой под старое серебро. Он благодарит со всякой тамошней обходительностью, а наши ему втолмливают:

— Златоустовский завод, златоустовские мастера.

Чужестранный человек, хоть рубака первостепенный, а по-нашему не может. Бормочет, а смешно выходит. Так он взял да и выкладку на ножнах поцеловал: очень, дескать, превосходно. На том и расстались. Немцы в ту же ночь свой позор спрятали, вовсе другое выставили и людей не тех поставили. Будто ничего и не было, только это им не прошло. В народе на выставке долго разговор об этом испытании держался.

Мастеру Швецову сказывали, как аносовский булат по всему свету гремит. Швецов посмеивался и работал, как смолоду, одиночкой. Тут, как у нас по заводам говорится, волю объявили, — за усадьбу, за покос, за лесные делянки деньги потребовали. Швецову к той поре далеко за полсотни перевалило, а он всё ещё в

полной силе. Семью он давно завёл, да это ему как-то не задалось Видно, не зря молвлено: «Маша — не Луша, — каша не та, и ребята другие».

Приглядывается мастер Швецов, как жизнь при новом положении пойдёт, а хорошего не видит. Барская сила иструхла, зато деньги крепко в гору пошли, и жадность на них появилась. Мастерством не дорожат, лишь бы денег побольше добыть. В своей семье раздор пошёл. Который-то из сыновей бросил работу в литейной и перешёл в объездные. Там, говорит, дороже платят и сорвать можно. Швецов из-за этого случая даже от семьи отделился, — ушёл жить в малуху. К нему тут немцы полезли. Они, видать, хоть про степных кузнецов рассказывали, а сами понимали, в котором месте тайность искать. Вот и стали подсылать к Швецову. Когда немцев же, когда подставных из наших, а повадка у всех одна. Набросает такой перед мастером груду денег и говорит:

— Деньги твои — тайность моя.

Швецов только посмеётся:

— Кабы на эту горку петуха посадить, так он бы хоть караул закричал, а мне что делать? Не красным товаром торговать, коли смолоду к мастерству прирос. Забирай-ка своё да убирайся с моего На том и разделимся, чтобы другой раз не встретиться.

Прошло ещё годов близко сорока, а всё мастер Швецов булатную сталь варит. Остарел, конечно. Подручные у него есть, да не может выбрать надёжного. Был один паренёк хороший, так его в тюрьму загнали. Книжки будто не такие читал. Старик этому не поверил, ходил хлопотать за парня, так куда тебе! Крик подняли: «Вперёд такого и говорить не смей!»

Тут и самого старика изобидели: дедушкину росчисть отобрали. Росчисть не больно завидна была. В доброе лето на одну коровёнку сена поставить, да привык к ней старик. Вот и пошёл опять по начальству. Там помянул, что на заводе работает полных семь десятков лет, варит тот самый булат, которым завод на весь свет прославился. К этому добавил:

— И мои капельки в том булате есть.

Начальство эти слова насмех подняло:

— Зря, дед, гордишься. Твоего в этом деле одна привычка. Остальное в книгах написано, а у нас в заводском секрете особая запись Аносова хранится. По ней кто хочешь булат сварит.

Старика это сильно задело.

— Неуж, — спрашивает, — мою работу ни во что ставите?

— Во столько, — отвечают, — и ставим, сколько подённо получаешь.

— Коли так, — говорит Швецов, — так и варите по своим записям, а только аносовского булату вам больше не видать.

С тем и ушёл. А начальники посмеиваются:

— Разгорячился старичина! Вишь, как о себе думает!

Вскоре хватились однако. Кого ни поставят к варке, толку не выходит. Главный начальник приказал послать за стариком, а тот ответил:

— Неохота мне, да и ноги болят.

— Привезти его на моей паре! — приказал начальник, а сам посмеивается: «Пусть старик потешится!»

Швецов и на это не поддался:

— Пусть сам начальник ко мне приедет, ему привычнее на лошадях кататься.

Начальник зашумел:

— Как он смеет такое говорить? Подо мной таких-то, как он, тысячи, а я ему кланяться стану. Никогда этого не дождётся!

Начали опять пробовать. Выходит булат, да не такой. Как говорится, дальняя родня, с коей век не видался, и прозвище другое. А уж пошёл разговор, что в Златоусте булатную сталь варить разучились. Начальник вовсе посмяк, стал подлаживаться к мастеру Швецову, пенсию ему хорошую назначил, сам к нему пришёл, деньги большие сулил, а Швецов его укорил:

— Всё-то вам деньги да деньги! Да я ими мог бы угол завалить, кабы захотел! Тайность моя не продажная. Её добром отдают, только не всякому. Вот если выручишь из тюрьмы моего подручного, будет он вам аносовский булат по моим составам варить, а я вам не слуга.

Хлопотал ли начальник за того парня, сказать не умею, только Швецов так никому и не оставил свою тайность. Томился, сказывают, перед смертью, а всё-таки в заветном сундучке у него пусто оказалось. Пыль даже вытряс, чтоб по ней не добрались. Берёг, значит, свою тайность от тех, кто его мастерство подёнщиной мерил и работу всей его жизни ни во что поставил. Так и унёс с собой тайну знаменитого булата. И как осудишь за это старика. Вздохнёшь разве:

— Эх, не дожил человек до настоящих своих дней!

Ныне вон многие народы дивятся, какую силу показало наше государство, а того не поймут, что советский человек теперь полностью раскрылся. Ему нет надобности своё самое дорогое в тайниках держать. Никто не боится, что его труд будет забыт либо не оценен в полную меру. Каждый и несёт, кто что умеет и знает. Вот и выходит сила, какой ещё не бывало в мире. Такая сила любую тайность найдёт.

...и тот же человек стал по ней нашей, златоустовской саблей рубить.

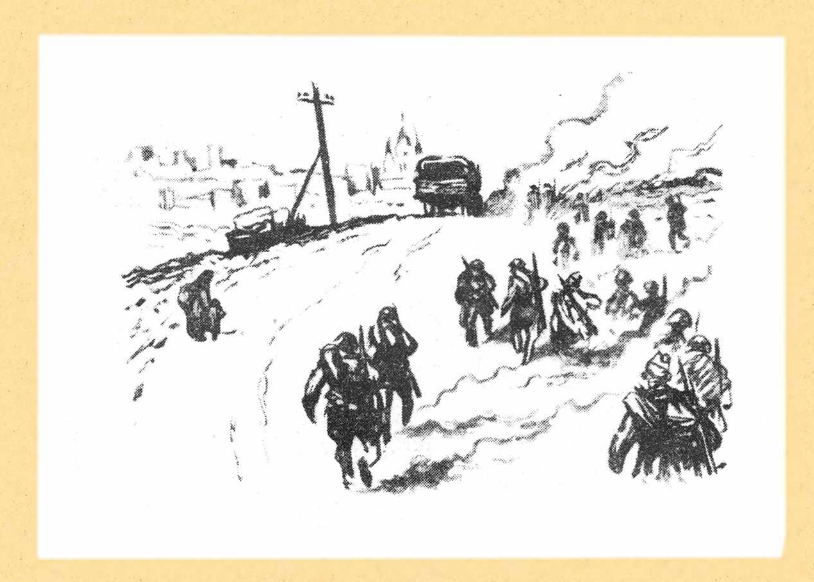

К. Китайка (студия им. Грекова). «Конный портрет». (Всесоюзная художественная выставка).

ИЛЛЮСТРАЦИИ О. ВЕРЕЙСКОГО К «ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ» А. ТВАРДОВСКОГО

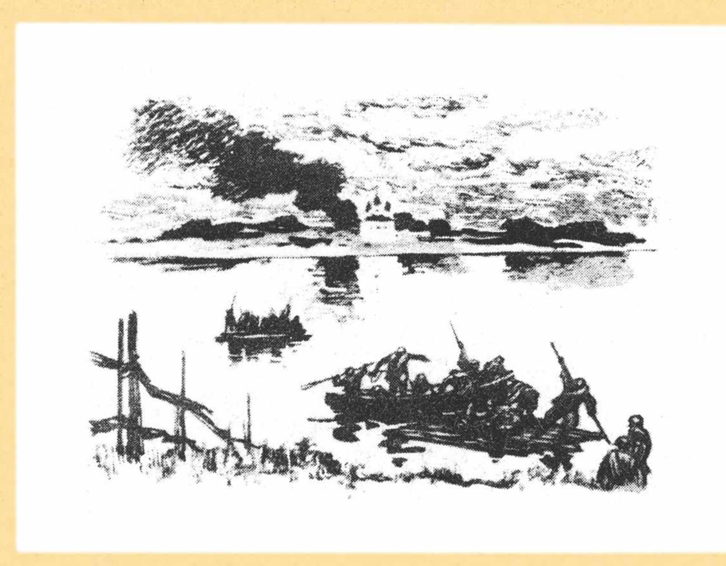
(Книга выпускается Воениздатом).

Василий Тёркин (фронтиспис)

Заставки к главам «От автора» и «Два солдата»

Заставка и концовка к главе «На Днепре»

«С первых дней година горькой, в тяжкий час земли родной» подружился А. Твардовский с героем своей поэмы Василием Тёркиным. А вскоре Василий Тёркин стал любимцем и задушевным другом миллионов читателей. Не случайно отдельные строки и фразы поэмы бытуют в народе на правах поговорок, пословиц.

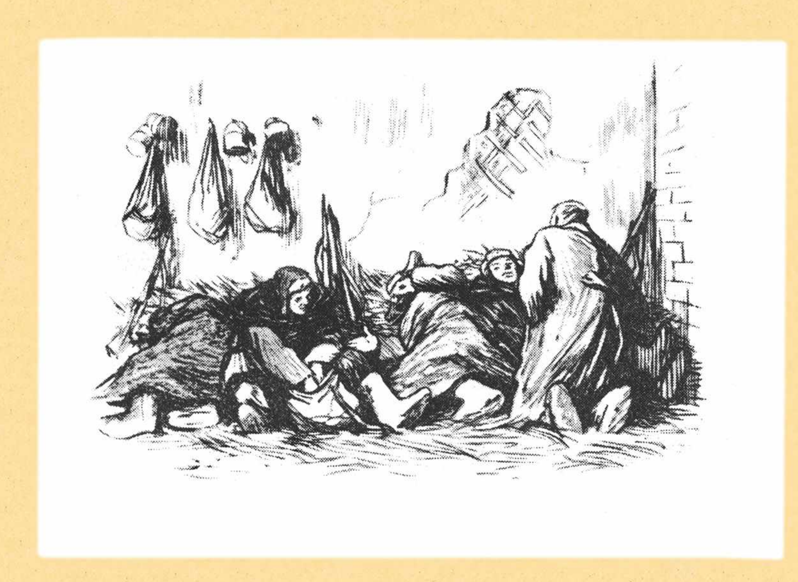
Тёркин, как известно, является собирательной фигурой, литературным образом, который вобрал в себя лучшие черты русского солдата и в то же время сохранил яркую индивидуальность. Тёркин — человек со своим, ясно очерченным характером и даже со своей запоминающейся внешностью.

Воины Западного, а затем 3-го Белорусского фронта, читатели газеты «Красноармейская правда» знали Тёркина и в лицо. Где-нибудь в землянке, на привале, на перепутье фронтовых дорог встречались бойцы, которых находили похожими на Василия Тёркина.

Дело в том, что главы великолепной поэмы «Василий Тёркин», начиная с лета 1942 года, публиковались во фронтовой газете с иллюстрациями О. Верейского. Всем запомнилась плечистая фигура и открытое, простодушное лицо Тёркина: широко поставленные глаза, в которых светится ум, нос слегка приплюснут, на губах усмешка, которая сразу выдаёт шутника, острослова.

Поэт Александр Твардовский и художник Орест Верейский в течение трёх лет были очевидцами и участниками событий, о которых идёт речь в поэме.

Василий Тёркин прошёл многотрудным солдатским путём от Подмосковья через Смоленщину, Белоруссию, Литву, сквозь всю Восточную Пруссию. Этим же путём прошёл фронтовой художник, и, может

Заставки к главам «О потере» и «В наступлении» и концовка к главе «Смерть и воин».

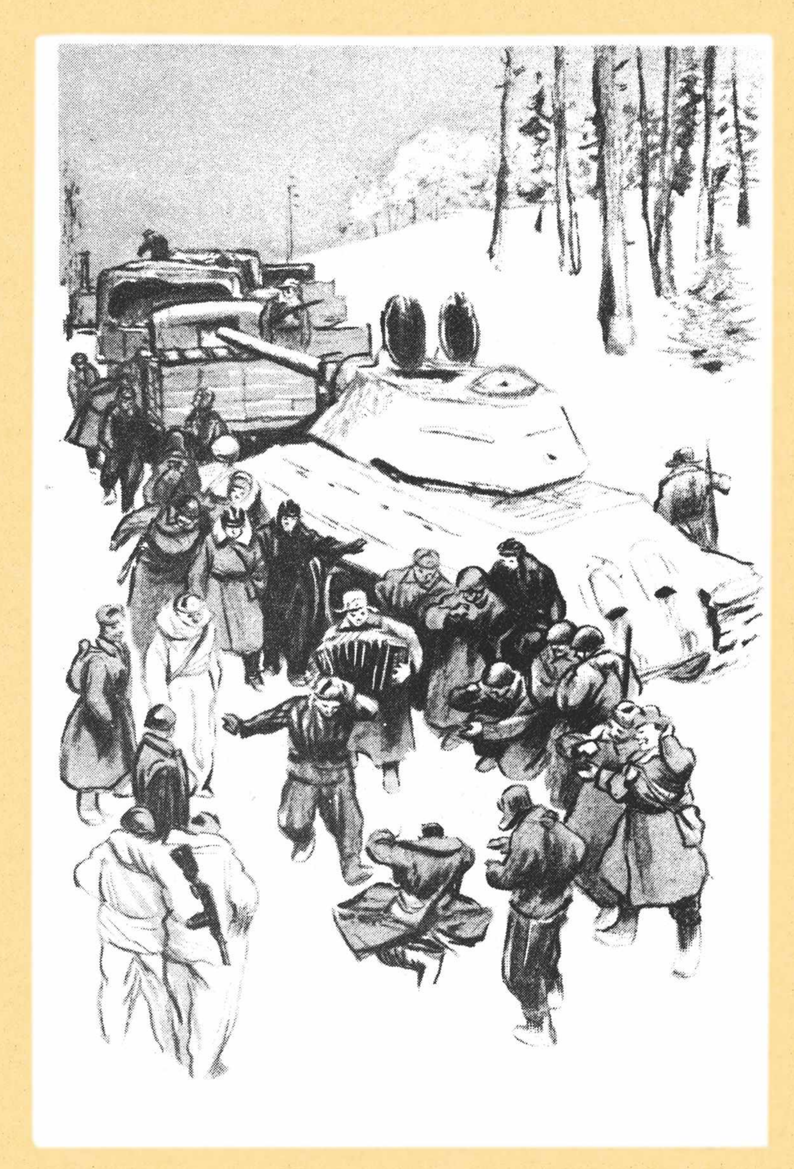

Рисунок к главе «Гармонь».

...Словно в праздник на вечорке
Половицы гнёт в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.
Подаёт за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощёный круг!..

быть, поэтому О. Верейскому удалось так проникнуться духом поэмы, так хорошо уловить всё её своеобразие.

В поэме есть свой пейзаж, свой очаровательный и неповторимый колорит. Твардовский и герой его поэмы Тёркин — земляки, смоленские уроженцы. Может быть, поэтому многострадальная Смоленщина выписана в поэме так красочно. И радостно, что смоленские фронтовые пейзажи О. Верейского ещё больше обогатили эти главы.

Рисунки, сделанные в Восточной Пруссии, в дни боёв за Гумбинен, в дни штурма Кенигсберга, хранят всю непосредственность впечатлений художника, обладающего острым творческим зрением, отличным вкусом, мастерством.

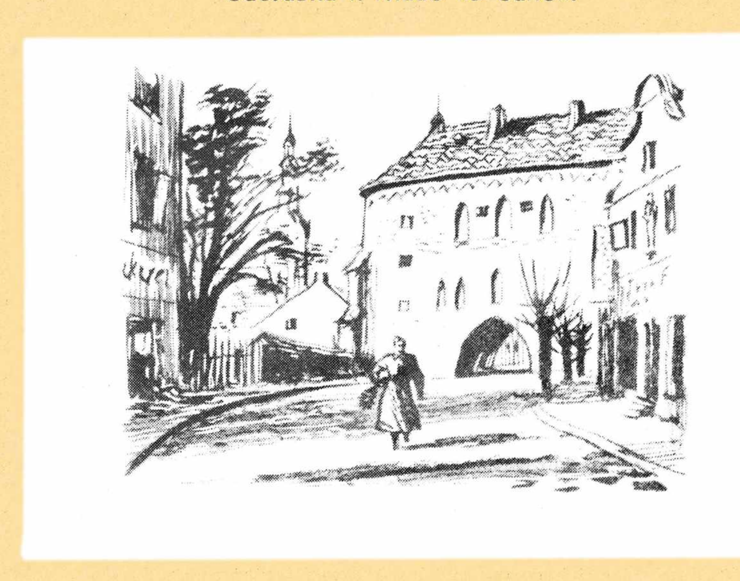
Нет сомнения, что многие иллюстрации О. Верейского к «Василию Тёркину» являются набросками будущих больших произведений. Иллюстрации эти продолжат свою жизнь и за краем книжной страницы.

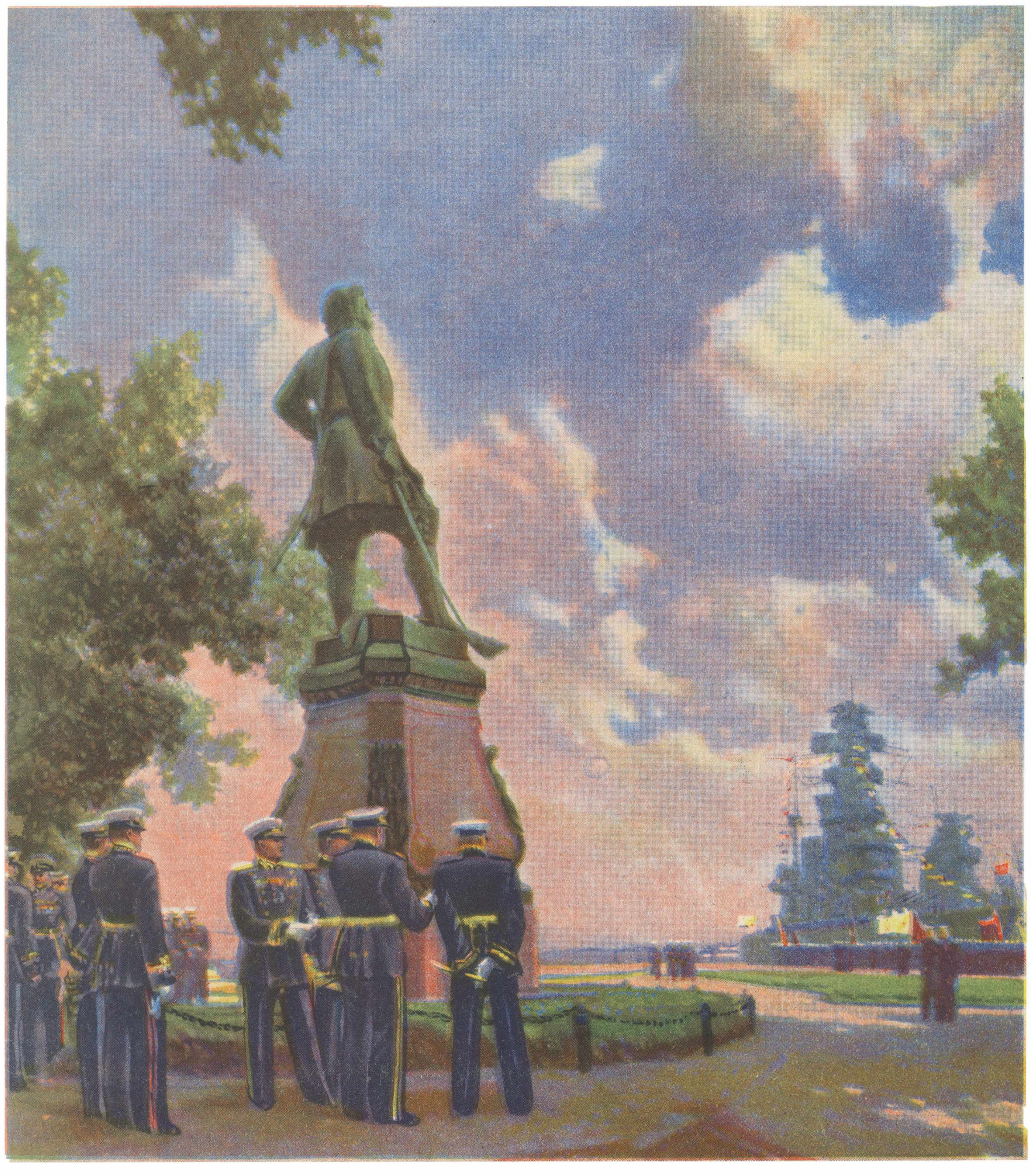
В годы войны читатель знал О. Верейского прежде всего по его плакатам и карикатурам, в частности по серии «Лицо врага», по иллюстрациям к «Новым похождениям бравого солдата Швейка» М. Слободского.

В арсенале фронтового художника карикатура и плакат являются оружием близкого боя, и, естественно, что работник фронтовой газеты чаще пользовался именно орудием этого рода.

Сейчас, после войны, молодой талантливый художник О. Верейский получает возможность вновь серьёзно заняться рисунком, автолитографией, живописью.

Заставка к главе «В бане».

Г. Нисский. «Кронштадт». (Всесоюзная художественная выставка).

ОСВОБОДИТЕЛИ НАРОДОВ

И. Константиновский

Красная Армия завоевала победу на территории десяти стран. Каждая из них имела свой неповторимый облик: не похожи пустынные сопки Маньчжурии на уютные долины Чехословакии. Но на всём пути советских армий, вплоть до пограничного столба с немецкой свастикой, красноармейцев приветствовали на разных языках одинаковым словом: «Освободители!»

У подножья Балканских гор, в братской Болгарии, слова привета, написанные родной кириллицей, звучали почти по-русски: «Добре дошли, освободители!» В Карпатах такая надпись принимала трудно произносимые слова: «Трэяска Армата Рошиа элибератоаре». Где-нибудь в Чаньчуне её совсем нельзя было прочесть, потому что она там писалась сверху вниз китайскими иероглифами.

В каждой стране, где вела бои Красная Армия, победа приходила по-разному. Но когда рассеялся дым сражений, для всех стран начался новый день и открылась новая страница истории для всех народов. Это стало возможным благодаря подвигу Красной Армии в суровые и прекрасные дни 1944 года, когда советские войска впервые перешагнули рубежи своей страны.

1. УТРО В КЭПРИЦАХ

Румыния в апреле 1944 года... Уездные румынские города Ботошань, Дорохой, Сучава, с одинаковыми памятниками «Неизвестному герою», который свирепо колет небо бронзовым штыком, города с белокаменными особняками, грязными базарами и шумной центральной улицей.

В те дни Румыния ещё была фашистской. Но севернее Ясс, в румынских уездах, занятых Красной Армией, уже началось удивительное пробуждение веками забитого народа.

...Село Кэприцы в семи километрах от Ясс и в трёх километрах от линии фронта. Ночью к подполковнику Кирину, начальнику политотдела дивизии, привели двух румынских подростков, пробравшихся через линию фронта с румыно-немецкой стороны. Оба смуглые, черноглазые, оба в белой домотканной одежде и неизменных барашковых шапках. На вопрос, откуда они идут, последовал удивительный ответ: «Мы бежали из плена»... Подполковник удивлённо посмотрел на «пленных», которым едва исполнилось по тринадцати лет. «Переводчик, повторите им вопрос яснее». Беглецы заволновались: «Господин офицер, мы правду говорим... Мы бежали... Нас было много, и все, кто только мог, убежали». Они оказались родом из одной деревни Ясского уезда. Когда Красная Армия форсировала Прут, всех подростков и школьников немцы отправили под конвоем в глубь Румынии. Сначала шли пешком, а когда малыши выбились из сил, их погрузили в вагоны. Но немцы не дали паровоза, и дети просидели в вагонах взаперти без еды трое суток. Несколько детей умерло. Остальные, узнав, что их хотят отправить в Германию, рискуя жизнью, бежали из-под конвоя и пробрались обратно домой через линию фронта.

Беглецов отпустили. На рассвете, когда первые солнечные лучи осветили Прутскую долину, у домика подполковника начали собираться крестьяне. Они приходили по нескольку человек, и смелее всех шли женщины. Когда подполковник вышел на крыльцо, к нему потянулись десятки рук. Женщины вытолкнули вперёд беглецов, которых отпустили ночью, показывали на них руками и при этом громко голосили. Кирин обвёл возбуждённую толпу усталыми глазами: «Что здесь случилось, чего они хотят?» Поняв, что их спрашивают, крестьяне ещё больше зашумели. Рядом стоял переводчик и, перекрикивая толпу, докладывал: «Товарищ подполковник, румыны пришли просить, чтобы Красная Армия скорее наступала на Яссы и освободила их детей...»

Утренние блики солнца играли на красной черепице. В Кэприцах начиналось светлое, весеннее утро. В разгаре войны занялся новый день Румынии.

2. ВСТРЕЧА

...11 сентября 1944 года — третий день болгарской свободы. 9 сентября в Софии уничтожен фашистский режим. Новая Болгария родилась буквально за несколько часов, потому что весть о приближении Красной Армии разбудила сердце каждого болгарина и парализовала фашистов.

Третий день, как ликует Болгария! Третий день, как пустуют дома и тысячные толпы на всех улицах, площадях и дорогах приветствуют проходящие советские части.

По грунтовому шоссе мчится красноармейская машина. На каждом перекрёстке её ждёт триумфальная арка с надписью: «Добре дошли, освободители!» Стóит машине остановиться, как её забрасывают букетами свежих цветов и к радиатору прикрепляют цветные гирлянды, сплетённые девичьими руками. «Братушки! Братушки!» — возбуждённо кричит охрипший деревенский мальчуган, силясь поскорее добежать до машины. А рядом с ним бежит сельский священник, с развевающейся на ветру чёрной бородой. Он тоже охрип от криков приветствия и теперь снова повторяет вместе с мальчуганом: «Братушки, братушки!..»

Город Ловечь. Все стены оклеены огромными бело-красными афишами, в которых подробно указано расписание встречи Красной Армии, где будут находиться представители общественных организаций, в каком порядке будут выступать ораторы. Но вот первые красноармейские машины въехали в город, и всё смешалось. Толпа подхватила легковую машину с советскими офицерами, как пёрышко, сдвинула её с места и вдруг подняла в воздух на метр от земли. Замелькали фигуры красноармейцев, которых понесли на плечах, вкруговую, по всей площади. Тысячи рук с кулаками, сжатыми в антифашистском приветствии, потрясают воздух. Тысячи людей повторяют хором как клятву: «Братушки, освободители».

За обеденным столом рядом с советским майором сидел старый болгарин — ветеран многих войн — в поношенном военном мундире цвета хаки, с шестью медалями, среди них один русский «Георгий». Его звали Петку Стойчев Топалов. Он сидел за столом как живое олицетворение старой Болгарии. Отца Топалова убили турки, и юноша бежал к русским, которые тогда вступали в Болгарию. Он сражался вместе с русскими солдатами на Шипке и под Плевной. В годы немецкого засилия даже его, 88-летнего старика, не оставили в покое. Дважды Топалова арестовывали и избивали за то, что он заявил о немцах: «Не хочу знать такого народа!» Теперь ветеран Шипки сидел за столом и говорил советскому офицеру: «Вы, русские, спасли мою душу, вы два раза спасли мою душу и мою Болгарию!»

За тем же столом сидела молоденькая черноволосая девушка в белой блузке с красным галстуком — ученица седьмого класса Стефка Дончева. Полтора года она была в балканских лесах связисткой партизанского отряда. «С колыбели матери учили нас любить Россию, и наши матери не ошиблись», — сказала Стефка русским офицерам и сделала знак своим молодым товарищам. Они запели болгарскую партизанскую песню на мотив нашей дальневосточной партизанской: «По долинам и по Балканам, по всей родной стране, развеяв знамёна, проходят народные партизаны...» Толпа людей, стоявших на улице, так как все не поместились в зале, подхватила припев: «Смерть на чёрное фашизма, на народа свобода!..»

Над головой девушки, дирижировавшей импровизированным хором, висел плакат со словами народного героя Болгарии Христо Ботева: «Кто падёт за свободу, тот не умрёт!» А напротив, во всю стену — могучая фигура красноармейца, нарисованная красной

После разгрома немцев под Яссами пал Бухарест.

Рисунок В. Климашина

тушью. Под ней в стихах надпись на болгарском языке: «Привет тебе, про которого напишет рука писателя после разгрома зла, как о величайшем чуде нашего века!»

3. ДНЕВНИК

Переправа через Дунай у Белграда в октябре 1944 года. Взорванный пролёт огромного моста, на котором повис словно нанизанный на ниточку поезд... Старый колёсный пароход тянет паром. На нём стоят тяжёлые советские танки. Холод, отчаянные гудки застрявших в грязи машин и крики людей на берегу: «Раз, два — взяли!..»

У костра, где в ожидании переправы греют озябшие пальцы сербские партизаны, сидят старики и женщины из Панчева, возвращающиеся в Белград. 18-летняя сербка Росса Литинович, девушка-солдат, в лыжных штанах и немецкой офицерской куртке, раскрывает тетрадь в красном коленкоровом переплёте. Страницы исписаны крупным почерком, наполовину карандашом, наполовину чернилами. Это дневник сербской партизанки, участницы боёв за Белград:

«...12 октября. Сегодня мы шли вместе с русской колонной. Она заполнила всё шоссе на много километров. Марко не мог оторвать глаз от русских танков. Он сказал, что никогда ещё не видел столько военной техники сразу. В 11 часов прилетели два фашиста. Ни один русский не сошёл с машины и не ушёл с шоссе. Когда фашисты пикировали, все русские палили в них из автоматов и даже пистолетов. Они совсем не боятся смерти.

Подходим к Белграду с юга. Пришёл Ристич из штаба и сказал, что бой за город будет тяжёлым, потому что там Бранденбургская дивизия, дивизия принца Евгения и альпинисты. Это самые отборные фашисты. Но теперь с нами русские! Говорят, что нас посадят, как десантников, на русские танки и мы будем драться за Белград на советских танках...

...Сегодня начались бои около горы Авало. Это левее нас. Там был для связи с бригадой Жезеля наш Марко. Он вернулся в два часа, восторженно рассказывал о русских. Наконец-то мы увидели, как они дерутся. Они шли в атаку первыми. 117-й немецкой дивизии больше нет. Иво приказал выпустить боевой листок и рассказать о том, как дерутся русские. Вечером был маленький митинг вместе с русскими.

...Второй день бои на нашем участке. Буду писать завтра... Мы уже в Белграде. Фашисты крепко засели на «Кнежевспомянике»... Жителей почти не видно, все спрятались в подвалах, но на той улице, где появляются наши или русские, они выходят из подвалов, иногда с винтовками, и присоединяются к нам.

Сегодня взяли улицу Клемано... Марко убит! Марко убит... в 2 часа 30 минут. Его убил немецкий снайпер с крыши выстрелом в спину. Бедный Марко! Он даже не дошёл до той улицы, где он жил когда-то студентом...

Ристич завладел немецким пулемётом — один против троих. Командир ему сказал: «Ты сражаешься, как русский».

19... Я всё-таки попала на русский танк в самом центре города, возле Банка. Танкиста-командира зовут Коля. Он украинец, маленький, весёлый и храбрый. Во время боя Коля высовывался из люка, под обстрелом, с пистолетом в руках, и кричал нам: «Вперёд, товарищи югославы!» Увидев, как я стреляю, Коля крикнул: «Молодец, Роза!» Он меня сразу назвал Роза. У них нет имени Росса...

...Все улицы Белграда заполнены русскими танками. Белград наш полностью. Ристич сказал, что Белград стоит немцам 35 тысяч человек, но они за четыре года убили и замучили в Белграде 60 тысяч человек... Все жители уже вышли на улицы, поздравляют друг друга, обнимают и целуют нас. Возле каждого красноармейца стоят целые толпы народа. На площади около «Команды» могила русских офицеров. На ней горы цветов — женщины и мужчины поочереди подходят к могиле, становятся на колени и целуют землю».

Красная Армия в Болгарии. Сентябрь 1944 года. На снимках (сверху вниз): 1 и 2. Жители Софии восторженно приветствуют советских бойцов. 3. Город Ловечь. Ветеран многих войн болгарин Петку Стойчев Топалов беседует с советским офицером.

Фото А. Григорьева и О. Кнорринга

4. ДЕВУШКА ИЗ КАТОВИЦ

Польша... Пустынные местечки с настежь распахнутыми окнами покинутых домов. Грустные, полусожжённые сёла. И могилы, повсюду могилы: за околицей, среди леса, просто посреди дороги и даже около порога покинутого дома; массовые могилы, где погребены вырезанные немцами семьи, два—три поколения вместе...

Июль 1944 года. Земля скорби, земля Майданека, Трemблинки, Освенцима, земля, на которой враг совершил немыслимые преступления, ожила. На неё вступили советские войска. У въезда в деревню, за Саном, старый поляк объясняет красноармейскому шофёру, остановившему на миг свою машину: «Я теперь дома сплю... Чи пан разуме, цо это значит? Три года дома не спал, боялся немецкой облавы».

Через освобождённые польские города идут на запад советские танки.

Жешув. В городском парке беспрерывный митинг. Ораторов много. Пять лет здесь молчали, теперь все торопятся высказаться. Через каждые несколько минут музыка играет польский гимн и толпа кричит: «Нех жие!» Почётный караул — три польских солдата и один поручик. Дети и взрослые смотрят на них как зачарованные. У входа в парк машина с бело-красным польским флажком уполномоченного Польского Комитета Национального Освобождения. Машина — тоже чудо, символ возрождающегося польского государства. После очередной пылкой речи люди обнажают головы и поют знаменитую песню-присягу Марии Конопницкой «Рота»: «Не будет немец плевать нам в глаза и детей наших онемечивать...»

...Лес на берегу Сана. Здесь мы впервые встретили стройную девушку в простом ситцевом платье с повязкой красного креста на рукаве и тяжёлым кольтом за поясом. «Меня зовут Анна, — сказала она, — я из Катовиц».

У девушки из Катовиц волосы цвета льна, прямой, упрямый лоб, тонкие губы и биография, знаменательная для судьбы Польши. Она дочь инженера из Катовиц, и немцы выбросили её вместе с отцом из родного города. Вещей нельзя было брать с собой, но полагалось убрать квартиру перед уходом, запереть её и сдать ключ, потому что вечером в дом придёт новый хозяин — немец, который «любит порядок и акуратность».

После изгнания из родного города Анна жила в промышленном городке Столова Воля. Она хотела закончить гимназию, но немцы закрыли все польские школы.

Вернувшись в свой город, она узнала, что одного брата убили немцы, а другого отправили в концентрационный лагерь в глубь Германии. Анна связывается с партизанами и развозит на велосипеде по сёлам партизанскую газету «Правда». Вскоре она сама уходит в лес. В лесу очень холодно, — это хуже всего. Но в час первой засады, когда девушка застыла у шоссе с револьвером в руках, поджидая немецкую машину, она забыла о холоде. Когда появились немецкие грузовики, Анна не промахнулась. На рассвете после удачной операции товарищи поздравляли Анну с боевым крещением.

Жили в лесу два года. Были стычки с немцами, удачные бои, но все знали, что спасение может придти только с Востока, вместе с Красной Армией. Так оно и случилось.

Девушка из Катовиц говорит довольно хорошо по-русски: «Мне нравится, что вы пришли. Мне нравится, что с вами пришло Польское войско, и мне очень нравится Красная Армия, особенно девушки-красноармейки». К Анне подходит фотокорреспондент. «Фотографироваться для газеты? Нет, нет! Ведь я ещё ничего особенного не сделала. Вот когда пойду в Польское войско... А теперь фотографируйте пока только ваших солдат. Ведь они все герои, они освободители Польши...»

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВРАГА О «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЕ»

Эта карта составлена в штабе охранных соединений центральной группы немецкой армии. Она захвачена белорусскими партизанами, действовавшими в тылах германской армейской группы «Центр», в бою с эсэсовцами генерала фон Шинкендорфа.

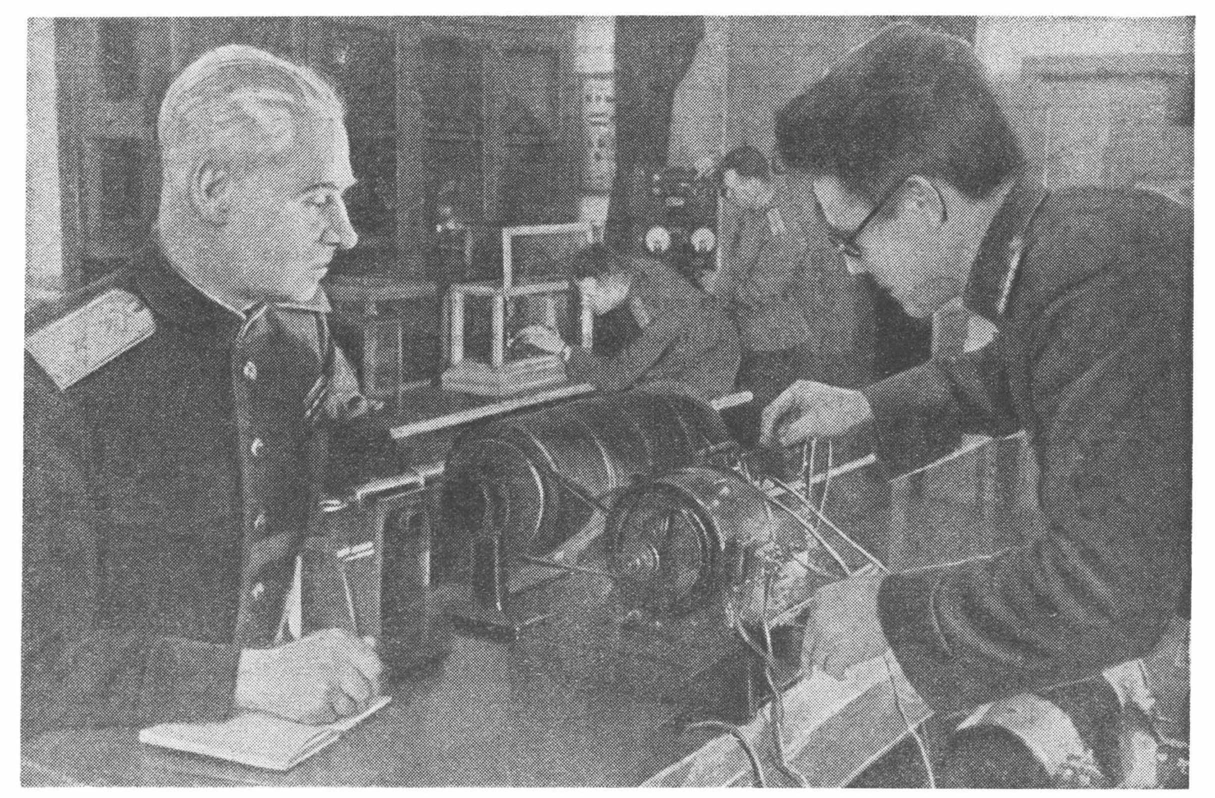
Многочисленные опознавательные знаки, испещряющие карту, рассказывают о действиях партизанских отрядов в августе 1943 года: за один только месяц в пяти оккупированных областях партизаны выдержали 719 боёв с немцами, напали на 831 гарнизон противника, в 70 местах нарушили телеграфную и телефонную связь, истребили 17 немецких чиновников, разрушили 82 моста и произвели 6 тысяч взрывов на железнодорожных магистралях.

И всё-таки гитлеровцы не знали полной картины размаха партизанского движения. Судя по карте, сведения о дислокации партизанских лагерей у них были бедны и неточны. Всего германскому штабу было известно 15 партизанских стоянок, а их насчитывалось несколько тысяч. Ещё более скудны данные о передвижениях партизанских отрядов и бригад. В августе 1943 года многие подразделения, по заданию штаба, передислоцировались из Восточной Белоруссии в Западную, но это не нашло отражения на карте. Не знали немцы и о партизанских аэродромах. Это говорит о том, что население, кровно связанное с народными мстителями, всячески поддерживало и укрывало их.

Август 1943 года вошёл в историю партизанского движения Белоруссии как первый месяц массового выхода на вражеские коммуникации. Белорусские партизаны за август взорвали 120 800 рельсов.

«Рельсовая война» белорусских партизан в августе и сентябре 1943 года привела к сокращению на сорок процентов всех немецких перевозок. Вторично массовый выход на вражеские коммуникации был повторён в октябре — ноябре 1943 года и, наконец, в июне 1944 года, непосредственно перед освобождением Белоруссии, когда партизаны в третий раз широко провели операцию «рельсовой войны». Они перебили 47 тысяч железнодорожных рельсов. Движение на основных германских магистралях было сорвано. Стремительное наступление Красной Армии привело к созданию знаменитых белорусских «котлов». В них были уничтожены отборные гитлеровские дивизии.

В. САБЛИН

РАССКАЗ

Текст Г. Фёдорова

Вожди советского народа Ленин и Сталин создали не только самую боеспособную армию в мире, но и армию, которая стала величайшей культурной силой. Наряду с талантливыми полководцами и замечательными бойцами Красная Армия имеет в своих рядах многочисленные кадры советской интеллигенции — деятелей науки, искусства.

В рядах Красной Армии немало лауреа-

Лауреат Сталинской премии академик генерал-лейтенант А. А. Благонравов — заместитель начальника Академии имени Ф. Э. Дзержинского по научной и учебной части. А. А. Благонравов — основатель теории проектирования автоматического оружия. На снимке: академик Благонравов (слева) наблюдает за работой инженер-майора В. П. Коробкова по анализу велограммы опытного образца.

Двенадцать тысяч операций сделал Н. Д. Архангельский — подполковник медицинской службы. В Красной Армии он уже 27 лет. Сейчас Н. Д. Архангельский руководит хирургическим отделением Московского гарнизонного госпиталя. На снимке: Н. Д. Архангельский.

27 лет провёл в Красной Армии и полковник Л. Д. Острейко. Он работает заместителем начальника кафедры тактики высших соединений в Академии имени Фрунзе. На снимке внизу, слева: консультация по тактике. Слева направо — полковник В. Д. Ухов, полковник Л. Д. Острейко, гвардии подполковник П. М. Акимов, полковник— М. А. Дворников, гвардии полковник— Ф. П. Васецкий.

Герой Советского Союза полковник П. М. Мугалёв — изобретатель (снимок внизу, справа). Последнее его изобретение удостоено Сталинской премии. В Красной Армии П. М. Мугалёв 13 лет.

О ТАЛАНТАХ

Фото Дм. Бальтерманц

тов Сталинской премии, людей, чей вдохновенный творческий труд получил высокую оценку советского общества. В рядах Красной Армии много учёных с мировым именем, изобретателей, конструкторов, музыкантов, артистов, художников, поэтов.

На публикуемых фотографиях вы видите представителей различных областей знания, посвятивших свою жизнь повышению культуры Красной Армии.

С 1934 года при Главном политическом управлении Красной Армии существует студия военных художников имени Грекова. Студия объединяет 40 живописцев, графиков, скульпторов. Их работы широко известны в нашей стране. Художественный руководитель студии — лауреат Сталинской премии капитан Н. Н. Жуков. На снимке: Н. Н. Жуков (в центре), художник А. А. Горпенко (справа) у картины художника лейтенанта Н. И. Обрыньбы (слева).

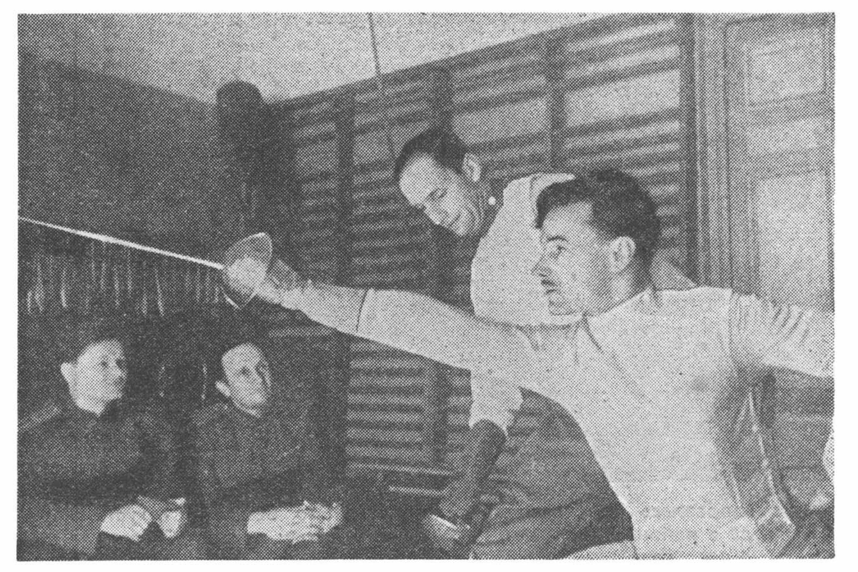

В Советской стране популярно имя профессора А. В. Александрова — автора музыки Государственного гимна Советского Союза и многочисленных песен. Лауреат Сталинской премии, генерал-майор профессор А. В. Александров является создателем и руководителем Краснознамённого ансамбля песни и пляски Красной Армии. На снимке: А. В. Александров дирижирует ансамблем.

Красноармеец А. А. Попов — один из молодых и талантливых актёров Московского центрального театра Красной Армии. На снимке внизу, слева: артист гримируется перед спектаклем «Копилка» Лябиша. В этой пьесе А. А. Попов играет роль Сильвена.

Капитан В. В. Вышпольский с 1940 года — абсолютный чемпион Советского Союза по фехтованию. На снимке внизу, справа: В. В. Вышпольский тренируется.

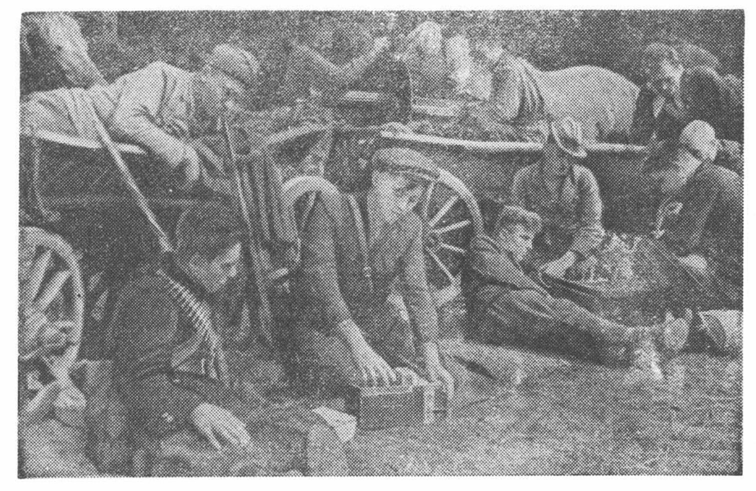
Я СНИМАЮ ВЗРЫВ НЕМЕЦКОГО ПОЕЗДА

Михаил Глидер

Фото автора.

Лауреат Сталинской премии Михаил Глидер, оператор Союзкинохроники, в апреле 1943 года был сброшен с парашютом в партизанское соединение генерал-майора Ковпака. Позже кинооператора перевели в соединение генерал-майора Фёдорова. В тылу врага М. Глидер находился около года. Заснятые им кадры вошли в разные выпуски Союзкинохроники, в фильмы «Народные мстители», «Украина в борьбе». Оператор участвовал в боях и 12 раз выходил на диверсии.

Воспоминания Глидера «Кинооператор и партизан» в скором времени выходят из печати. Публикуем главу из этой книги:

Подрывники готовятся к операции. Заряд в ящик укладывает Герой Советского Союза Борис Калач.

Минирование железнодорожного полотна. Слева — Герой Советского Союза Владимир Павлов.

Партизаны в засаде. Справа — Герой Советского Союза Павлов, слева — 15-летний подрывник Володя Глазок, награждённый орденом Ленина.

Мина взорвалась там, где ей полагалось. Это было 21 августа 1943 года в районе Трояновки, на Волыни. В кругу: лауреат Сталинской премии оператор Михаил Глидер.

Местом очередной диверсии был назначен район Трояновки. С нами пошёл Павло Семёнович Золотаренко, начальник политотдела соединения.

Путь был далёкий, да ещё проводник попался неопытный. Бывал он в этих нехоженых местах... 30 лет назад.

К трояновскому лесу мы подошли в 6 утра. Выслали к полотну железной дороги разведку, а сами легли спать. Вечером разведка вернулась, не обнаружив немецких засад. Пошли к полотну. Пришлось идти три километра по заболоченной просеке, среди камышей. Ночью такие три километра стоят двадцати. Исходный пункт устроили метрах в 500 от полотна. В темноте мы слышали, как прошли последние поезда (ночью немцы приостанавливали движение). В час ночи поползли вперёд. Пока наш лучший подрывник Володя Павлов, ныне Герой Советского Союза, студент, устанавливал мину, я выбирал место для съёмки.

Поползли обратно. Дорогу ощупывали руками, чтобы не хрустнул сучок. До рассвета оставались на исходном пункте. Было очень холодно. Павло Семёнович и я нарвали листьев папоротника, легли под ними. Я не мог заснуть. Другие спали, кое-кто даже храпел. Храпевших будили, боясь шума.

Съёмка моя уже несколько раз срывалась, поэтому я очень волновался. На рассвете я осторожно поднялся, стараясь не разбудить Павло Семёновича, взял с собой своего неизменного «адъютанта» Прошу Помазанко и ещё одного бойца и пополз с ними к полотну. Лес кончился метрах в 60 от полотна. На опушке я замаскировался и лёг. Замаскировал ветками и свой аппарат. Я знал, что лёжа не смогу всё заснять. Помазанко улёгся справа от меня, второй боец — слева.

Птицы пели громко, будто торопились рассказать всё, что видели во сне. Показался немецкий дозор. Немцы шли, низко опустив головы: искали мины. Пронёсся немецкий самолёт. Он летел низко и тяжело. Потом прошёл второй обход. Обходчики ругались между собой, их голоса были отчётливо слышны. Помазанко срывал ромашки и гадал по ним: «сработает», говоря партизанским языком, мина или не «сработает», снимем или не снимем?

Солнце поднималось всё выше. Оказалось, что я не совсем удачно выбрал место для съёмки. Однако менять его было поздно.

* * *

Мы лежали уже несколько часов, когда прошёл третий обход. Помазанко сорвал ещё одну ромашку и, оборвав её, поднял большой палец: значит, вышло, что снимем.

В это время со стороны Трояновки раздались свистки. Через полчаса послышался нарастающий шум.

Трудно описать волнение в эти минуты. Я видел только рельсы, они слепили меня; я страшно боялся пропустить нужную минуту.

Наконец, показался паровоз. Он шёл быстро. Платформы перед ним не было (немцы часто пускали впереди пустую платформу, чтобы взрыв пришёлся на неё, а не на паровоз). Я вскочил. В эту минуту риск был оправдан.

Веду панораму за паровозом, не выпуская его из кадра. Вид у меня был, вероятно, сильно комический: пилотка, одежда, аппарат — всё утыкано ветками. Лесной человек.

Аппарат работал прекрасно. Было у меня всего 15 метров плёнки. И вдруг я испугался, что её не хватит. Веду панораму за паровозом, а он всё не взрывается! Мне даже показалось, что он прошёл мину, хотя перед тем я точно высчитал все расстояния. Неужели взрыва не будет или именно на взрыв-то и не хватит плёнки? Я чуть было не заплакал, чуть не выронил аппарат. Но в эту минуту как раз напротив меня из-под паровоза вырвался чёрный дым, потом я услыхал взрыв, затем меня качнуло воздухом.

Мина взорвалась там, где ей полагалось: между паровозом и тендером. Вагоны наскочили на паровоз, он проехал ещё несколько метров. Вагоны валились один за другим. Раздались крики, послышался дикий визг: это вопили свиньи, которых немцы вывозили в Германию. Затем началась беспорядочная стрельба. Стреляла охрана поезда из последнего вагона, стреляла и немецкая засада, которой мы так и не заметили: она находилась по другую сторону полотна и заняла своё место, повидимому, тоже на рассвете.

Мы, разумеется, ничем себя не обнаружили и начали уползать. Как только лес стал гуще, поднялись и побежали со всех ног. Я спрятал аппарат на груди. Помазанко прикрывал меня. Немцы, вероятно, не подозревали, что мы здесь, да и высокая насыпь не позволяла им вести настильный огонь. Но полкилометра по болоту, которые я проделывал в четвёртый раз, были не очень веселы.

* * *

Как впоследствии оказалось, я снял всего 12 метров плёнки. Мои опасения, что её не хватит, были напрасны.

Через несколько дней нам сообщили, что, кроме паровоза, подорвалось 17 вагонов, а движение было закрыто в течение полутора суток. О том, что моя съёмка удалась, я узнал только в Москве, проявив негативы.

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Ю. Корольков

Рассказ

Город-крепость Кенигсберг сдался Красной Армии.

Рисунок О. Верейского

Ещё совсем недавно на одной из московских улиц стоял маленький одноэтажный дом. Сейчас на его месте возведены высокие леса для постройки многоэтажного здания. А прежде была здесь заурядная, ничем не примечательная парикмахерская с тесным, грязноватым залом ожиданий, значительную часть которого занимала массивная вешалка орехового дерева, вероятно привезённая когда-то из опустевшего барского особняка. Около вешалки много лет безотлучно сидел благообразный швейцар Лаврентьич — крупный старик с окладистой, седеющей бородой и добродушными, чуть прищуренными глазами. Казалось, что и Лаврентьич в своей неизменной, потёртой вельветовой ливрее с потускневшими галунами перекочевал сюда вместе с вешалкой из господского дома.

Всё было привычно в этой парикмахерской: и мастера, годами стоявшие около кресел, знавшие по имени и отчеству своих посетителей, и сами посетители — жители окрестных улиц, которые, встречаясь где-нибудь в другом месте, равнодушно проходили мимо, не здороваясь, а в парикмахерской, ожидая (и только своего мастера), дружески вели разговоры на самые разнообразные темы. Трудно сказать, что, собственно, привлекало сюда одних и тех же посетителей. Может быть, сила привычки или близость от своего дома, а может быть, и любопытные рассказы Лаврентьича о самых необычных и последних городских новостях. У старого швейцара всегда было в запасе немало занятных историй. То он говорил об удаве, сбежавшем из зоопарка, то о трамвайной катастрофе, или о постройке нового многоэтажного дома, «почитай, не ниже чем в Америке».

Рассказывал он неторопливо, не любил, чтобы его перебивали, и сам прерывал рассказ только для того, чтобы принять пальто или попрощаться с уходящим посетителем. Номерков он никогда не давал, знал всех в лицо и обязательно перед тем, как выдать пальто, заботливо чистил одежду клиентов специальной щёточкой из китайского проса. Чаевые принимал с достоинством, не глядя, сколько ему дают. Потом акуратно клал щётку на полочку, усаживался на венский стул и снова продолжал рассказ. Парикмахерская, Лаврентьич с его рассказами сделались частицей быта нашей улицы, так же как усатый и грузный ассириец — чистильщик сапог, зимой и летом сидевший в валенках, обшитых красной резиной, — или миловидная девушка из газетного киоска.

Годы войны нарушили размеренную, устоявшуюся жизнь. Многое как-то стёрлось в памяти, отодвинулось в прошлое, стало таким далёким. Забылся и Лаврентьич — швейцар из парикмахерской на углу шумной московской улицы. Спустя несколько лет, уже перед самым концом войны, я возвратился с фронта и снова очутился на своей улице. И то, что казалось прежде таким повседневным, будничным, сейчас воспринималось как необычное. Малейшая деталь будила воспоминания, наполняла почти физически ощутимым теплом. Это состояние понятно каждому, испытавшему возвращение в родной город. Понятно и чувство, которое привлекло меня в домик на углу нашей улицы.

Та же деревянная лестница с крутыми ступенями, похожая на корабельный трап, тесный зал, та же массивная вешалка орехового дерева и Лаврентьич, сидящий рядом на венском стуле. Он немного осунулся, ещё больше посеребрилась его борода, был он в той же вельветовой ливрее с тусклым позументом. Но теперь на ливрее нежно зеленела ленточка медали «За оборону Москвы». Позже я узнал, что Лаврентьич никуда не уезжал в мрачном сорок первом году, во время немецких налётов дежурил на крыше, сбросил три зажигалки, взрывной волной его скинуло с дома и он целый месяц пролежал в больнице.

Поздоровались мы с ним так, словно виделись только вчера. Вошло ещё несколько посетителей, стало тесно. Лаврентьич присел на венский стул и продолжал, очевидно, прерванный нашим приходом рассказ:

«...Смерть-то, она, может быть, здесь вот, рядом стоит, а ползти надо. Я и сам в германскую воевал, знаю.

Привязал он груз за ногу, чтобы рукам простор был, и ползёт. Ползёт, а сам щупом, таким, вроде шомпола, перед собой пхает. Только он низинку миновал, стал шомполом тыкать, слышь — звякнуло. Нашёл, стало быть.

Не знаю уж, как он там головку отвернул мине, откинул в сторону и дальше. Мина, — вестимо дело, не петух, ей голову свернуть уменье надо. Их, говорят, сапёров-то, искателями счастья называют. И верно, что счастье. Пройти до немцев, может, какихнибудь полверсты будет. А он как с вечера уполз из окопов, так под утро только и прибыл к месту. Конечно, летняя ночь — с овчинку, но часа четыре без малого полз. Это понять надо. В пословице хоть и говорится: «Жизнь прожить — не поле перейти», — а я скажу, какое поле, смотря. Минное поле переползти иной раз и потяжелее, чем жизнь прожить. Пословицы, выходит, и те стареют.

Ну, это всё так, к разговору... А задачу ему командир дал ответственную. Надо ему было дорогу очистить. С утра, вишь, рота в атаку шла...»

Появление нового посетителя снова прервало рассказ Лаврентьича. Шумно распахнув дверь, в парикмахерскую вошёл лейтенант с защитными фронтовыми погонами на выгоревшей гимнастёрке. Он слегка прихрамывал и опирался на палочку. Орден Красной звезды и две медали блестели на груди офицера. Лейтенант небрежно подал фуражку, растопыренной пятернёй пригладил непослушные волосы и, окинув взглядом присутствующих, сказал:

— Однако народу здесь поднабралось! — потом, обращаясь к Лаврентьичу, спросил: — Надеюсь, мне можно не ждать?

— Как клиенты. У нас здесь одна очередь.

— Ну, меня пропустят. Пусть ждут, у кого время есть. А я к очередям не привык. На войну ушёл без очереди, — добровольцем, — а уж здесь как-нибудь...

Лейтенант, не глядя ни на кого, подошёл к двери, чтобы войти, как только освободится мастер. Во всей фигуре его, в манере говорить, чуть опустив вниз уголки рта, в подчёркнуто развязных движениях сквозило чувство глубокого превосходства над окружающими.

Кто-то пытался протестовать, но лейтенант с презрением посмотрел на него и отрубил:

— Ты, батя, с моё повоюй, потом и говорить будешь...

Из зала, пропуская впереди себя клиента, вышел парикмахер в белом, как у врача, халате. Он взял карточку, поставил несколько крестиков, расписался и передал её в кассу. Потом, заметив, что лейтенант уже прошёл в дверь и остановился около кресла, сказал:

— Простите, я больше не работаю. Иду обедать.

— А вы побрейте меня, потом и обедайте, — ответил лейтенант.

— Нет, я уже опаздываю.

Лейтенант неожиданно вскипел и, переходя на ты, зло произнёс:

— Ты бы на фронт шёл, а не отирался здесь по тылам. У нас по трое суток не евши сидят и обедать не просят. Заелись, я вижу, здесь!..

В полуоткрытую дверь видно было, как лейтенант уселся в кресло и тихо что-то добавил, видимо, очень обидное. Лицо парикмахера потемнело, на скулах забегали живчики, он молча взял бритву и стал её править.

Разыгравшийся инцидент отвлёк внимание от рассказа Лаврентьича. Старик с явным неодобрением поглядел на лейтенанта и, помолчав, сказал: «Иной вот с фронта приедет, думает, он что ни на есть из всех героев герой. А понятия не имеет к тому, что в тылу хлеб тоже не даром ели. Да что говорить, горяч парень, обсмотрится, потом своим умом до всего дойдёт...

Я вот про сапёра говорил. Пополз он к проволоке, положил заряд, приладил всё, что требуется, и отполз назад. Притулился к воронке и ждёт. А бечёвку, что от заряда шла, на руку намотал.

думает, коли убьют, то он и мёртвый её потянет.

На виду, я вам скажу, при людях, героем куда легче быть. Ведь у каждого человека своя гордость имеется. Ему перед товарищами совестно трусом себя выказывать. А вот, когда один на один со смертью встретишься, гордость у иного и напопятную идёт. Вот в таком деле человек себя и проверить может. Я так думаю, раз уж он решил, хоть мёртвым, а задачу выполнить, значит, большую гордость человек в душе перед самим собой должен иметь.

Как только светать начало, пушки наши давай молотить. Уговор же с командиром такой был: проволоку колючую взрывать в самый ни на есть последний момент. Вот и лежит сапёр один промеж смертей — счастье своё пытает. Много ли, долго лежал он так, а вышло время пехоте в атаку идти. Глянул он из воронки — наши из траншеи вылазят и огонь будто полегче стал. «Ну, пора, — думает, — рвать. Теперь в самый акурат будет».

Дёрнул он за шнурок, а шнурок к нему в воронку весь как есть и смотался. Мать ты моя честная, что ты будешь делать! Знать, его осколком, а может быть, и пулей перекусило. А ребята в атаку поднялись, не знают, что около проволоки заминка может выйти. Бегут во всю мочь. Немцы-то живо в себя пришли. За пулемёты схватились! Вот-вот всех посекут. Выходит, промашка его, сапёра-то, всех жизни порешить может. Тут он как вскочит, да вперёд. Большая у него гордость была. Это сказать легко только — на смерть идти.

Подскочил, от пуль уже не бережётся, глядит: заряд на месте, и около него кусок бечёвки, всего каких-нибудь аршина три не больше осталось. Тут парень крикнул что-то, с криком, может, правда, помирать легче, — схватил шнурок, дёрнул... Так смерть и принял.

Рота их прорвалась, за ней батальон прошёл, и погнали в тот день немцев. За день-то далеко ушли. А к вечеру стали санитары убитых да раненых собирать. Кого хоронить, кого в лазарет отправлять, глядят, а сапёр наш живой лежит. В чём только душа держится. Видать, и правда под конец своё счастье нашёл. Искровянился весь, а главное, сказывают, всё нутро у него порвало. Ну, что же делать, на то и война. Домой воротился — четыре ордена на груди. По чистой оставили. Теперь опять...»

Лейтенант вышел из зала, удовлетворённо поглаживая бритое лицо. Сзади шёл парикмахер. Он выписал чек, молча сбросил халат, протянул его Лаврентьичу, скупо бросил ему: «Приду через час!» — и, надвинув старенькую кепку, вышел из парикмахерской. На лацканах его пиджака, густо посаженные один к другому, виднелись четыре боевых ордена.

Лейтенант растерянно посмотрел и, не успев взять фуражку, вдруг бросился за ним следом. Он нагнал его, что-то сказал, но парикмахер махнул рукой и исчез за углом.

Лейтенант виновато снова вошёл в парикмахерскую. Лаврентьич молча подал ему фуражку. Лейтенант протянул швейцару трёшницу.

— На чай не берём, — вежливо сказал Лаврентьич. — Простите!..

Лаврентьич присел на стул и продолжал рассказ...

Рисунок В. Высоцкого

ИЗ СТИХОВ О ЕВРОПЕ

Евг. Долматовский

Ростов на Дону

Я рыжего немца
На слове поймал:
Он в нашем Ростове
Два раза бывал.
Ходил по Садовой,
Прошёл Темерник.
Я всё это понял,
Он сразу поник.
Заёрзал на стуле,
Отводит глаза,
А в небе саксонском
Грохочет гроза,
И город старинный,
У горной реки,
Дождём омывает
Свои позвонки.
Сидим на террасе —
Как прежде — враги.
Он хочет почистить
Мои сапоги,
Он ласково гладит
Собаку мою,
Он пиво подносит —
Я пиво не пью.
Он ноет, что прожил
Два года в плену,
А я вспоминаю
Ростов на Дону.
В Ростове, в Ростове
Жила у меня
На Малой Садовой
Большая родня.
Худые племянники
Быстро росли,
Весёлые тётки
Печенье пекли.
Старухи вязали,
И нитка была,
Как волосы их,
И мягка и бела.
Мне в жизнь пробиваться
Пришлось одному,
Я родственных чувств
Не питал ни к кому,
Но рыжий саксонец
Вошёл к ним в огне,
Он чувство родства
Растревожил во мне.
Ростовское лето
Пылает в пыли.
За город, к оврагам
Толпу повели.
Перины по ветру —
Последний уют.
Разбитые скрипочки
Дети несут.
Старухи, как будто
Боясь опоздать,
В салопах и шубах
Бегут умирать.
Продавлен затылок...
Раскроен висок...
В овраге два дня
Шевелится песок...
И кровь проступает
Багровым пятном,
Как вечная ненависть
В сердце моём.

Мороз

Напиши мне о морозе —
Без мороза нет тепла,—
О застенчивой берёзе,
Что стоит белым-бела.
Напиши мне о сугробах —
Великану по плечо,—
Как метели бьют сурово
И целуют горячо.
Как до дна промёрзла речка,—
Лёд сверкает при луне,
Как потрескивает печка
И сверчок поёт в стене.
Напиши мне, сделай милость,
Про домашний наш огонь.
Помню я, насквозь светилась,
Как кленовый лист, ладонь.
...Далеко моя Россия
В подвенечном серебре.
Здесь бегут дожди косые
По панелям в январе.
Ни метели, ни пороши
В этом крае не ищи.
Здесь не валенки — калоши,
Здесь не шуба, а плащи,
Электрические печи,
В ваннах тёплая вода...
Только мне согреться нечем,
Вьюгу мне пришли сюда!

Сегодня

Как стало всё обыкновенно —
Нет в мире незнакомых мест:
Ты завтра уезжаешь в Вену,
Я улетаю в Бухарест;
И в узких переулках Праги,
Где дремлет каменный уют,
О русской искренней отваге
Не наши девушки поют;
И над планетою холодной
Сияют мужества лучи —
За тридевять туманов, в Лондон,
Летят футбольные мячи.
Наш труженик в тяжёлой каске
С пятиконечною звездой
Европу увидал без маски,
Угрюмой и немолодой.
Он шёл по улицам столичным,
Где окна — как застывший крик,
По тем развалинам обычным,
К которым издавна привык.
Скажи, о чём тогда он думал,
Когда судьбу Европы спас?
О крае древнем, крае юном,
О том, что в этот трудный час
Одна Москва стоит, как прежде,
В своей таинственной красе,
И на её рассветах нежных
Златые купола в росе.
Её глаза полны заботы,
Её дыханье горячо,
Гостей заморских самолёты
Садятся на её плечо.

Кавалер трех орденов Славы, медсестра Мотя Нечипорчукова.

«Ласковые руки» — так называли медсестру бойцы и командиры героической армии генерала Чуйкова, с которой прошла она до немецкой столицы.

Рисунок военного художника В. Климашина

Чайковский... Бреслау. 1945 год.

Фото Дм. Бальтерманц

ГРЕМИТ МУЗЫКА БОЕВАЯ...

Текст Б. Галича

Фото В. Грюнталя

Валя Никаноров ещё недавно был башенным стрелком. Теперь он учится в школе военно-музыкантских воспитанников Красной Армии.

Гене Смирнову не было ещё и четырёх лет, когда в деревню ворвались немцы. Мать вылезла из щели—окопчика — и не вернулась: её сразила пулемётная очередь. Без вести пропал отец... Немцев выбили из деревни. Мальчика подобрал майор медицинской службы. Так началась походная жизнь Гени: вместе с санитарным батальоном Красной Армии закончил он поход в Кенигсберге. В батальоне Геня пристрастился к музыке. Ему подарили трофейную губную гармошку, которую он не оставлял, даже укладываясь спать.

Когда кончилась война, майор и Геня отправились в Москву. На Ново-Рогожской улице они разыскали большое, светлосерое здание с широкими окнами. Здесь помещается школа военно-музыкантских воспитанников Красной Армии. Они прошли мимо маленького часового, отдавшего честь, и в кабинете познакомились с начальником школы.

Сердце у Гени сжалось, когда начальник сказал: «Мы принимаем только детей старше двенадцати лет». Тогда майор рассказал историю мальчика.

— У меня даже гвардейский значок есть, — с гордостью добавил Геня. — И медаль «За взятие Кенигсберга». А «За Отечественную войну» я ещё получу.

— Хорошо, гвардеец, — сказал начальник школы и рассмеялся. — Раз ты такой герой, придётся тебя оставить!

Теперь Геня учится играть в духовом оркестре. Школа пришлась ему по душе.

— Мы сделаем всё, что можем, — говорит майор Злобин, начальник школы, — чтобы устроить его судьбу.

А школа может многое. Она даёт своим воспитанникам не только общее образование, но и специальное, художественное, музыкальное. Из стен её выходят музыканты, пополняющие затем лучшие оркестры Красной Армии.

* * *

Большинство воспитанников таких школ — дети, потерявшие родителей.

Серёжу Шульгу подобрали красноармейцы-разведчики; это было около Барвенкова, в Донбассе. Серёжа шёл на восток, к своим, — в Горловке, где он родился и вырос, у него никого не осталось: отца немцы замучили, мать угнали на германскую каторгу. Серёжу усыновила воинская часть. Он стал воином. Медали «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.» красуются на его груди.

В детстве он любил играть на рожке. Ему хотелось учиться музыке. Красная Армия позаботилась о нём. Сейчас он учится в той школе, где и Геня Смирнов.

Его сосед по парте, в классе, и по койке, в общежитии, — Серёжа Рожко. Вместе с наступающими войсками он проделал путь от Сталинграда до границы. Оттуда его послали учиться: «Не теряй время, мальчик, ты же гвардеец, выходи в люди, получай специальность».

Валю Никанорова подобрали наши танкисты на одной из прифронтовых

Берлин 2 мая 1945 года. На Унтер ден Линден.

Рисунок В. Богаткина

Гене Смирнову школа пришлась по душе.

«Сын полка» — Серёжа Шульга. Он станет трубачом полкового оркестра.

«БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА»

В московском театре Моссовета идут репетиции пьесы Михаила Светлова «Бранденбургские ворота».

Это лирическая поэма о войне, о фронтовой дружбе, о романтической мечте людей, которые, находясь за много километров от Берлина, были убеждены, что дойдут до Бранденбургских ворот.

В ярких образах молодых бойцов и офицеров отражены благородные черты наших воинов. Драматург показывает, как боролись, любили и умирали эти мужественные люди.

В пьесе много песен. Ниже мы приводим две из них...

БОЛОТНАЯ ПЕСНЯ

Продрогли бойцы... На болотах глубоких
И капли тепла не найдётся...
Мы верим, мы знаем — из далей далёких
Нам солнышко вновь улыбнётся.

Болота, болота
Проходит пехота,
Проходит за ротою рота...
Сова заблудилась,
Лиса утопилась,
Где рота в бою находилась.

Проходит по грязи солдатское племя,
Но весело песня поётся.
Дойдём до Берлина, и мирное время,
Как детская сказка, вернётся.

Болота, болота
Проходит пехота,
Проходит за ротою рота...
В болото залезший,
Расплакался леший —
Спасите хоть конный, хоть пеший!

Бессмертная слава простуженным людям,
Прошедшим и воду и сушу!
Мы душу свою никогда не остудим —
Большую солдатскую душу!

Болота, болота
Проходит пехота,
Проходит за ротою рота...
Солдат не устанет,
На кочку привстанет,
Рукою до солнца достанет!

На репетиции пьесы «Бранденбургские ворота». Справа налево: постановщик пьесы Ю. А. Завадский, автор пьесы М. А. Светлов, композитор В. А. Оранский, режиссёр спектакля М. П. Чистяков и исполнители Л. В. Шапошникова, Б. Ю. Оленин, А. М. Дубов.

Фото С. Шингарёва

СОЛДАТ И ВЬЮГА

Замело, завьюжило хаты,
Ничего не видать впереди.
Вьюга воет и просит солдата:
«Дай поспать у тебя на груди.

Мне ещё над землёю вертеться,
По дорогам кружить без конца
Я хочу отдохнуть и согреться.
У горячего сердца бойца».

И солдат отвечает, как другу:
«Я согласен. Ложись и поспи.
Но во сне не ворочайся, вьюга,
Не тревожь сновиденья мои...»

Только вьюга прижалась к солдату,
Ясный месяц над речкою встал.
Огонёчками светятся хаты,
Вьюга спит, и солдат задремал.

На рассвете проснулися оба.
Шепчет вьюга солдату: «Поверь,
Я за ласку с тобою до гроба,
Ты мне первый хозяин теперь».

Так споём же мы песню друг другу,
Как в боях побывать нам пришлось,
Как солдат нашу русскую вьюгу
До германской столицы донёс.

станций. Валя уговорил командира взять его к себе в танк. Так он стал башенным стрелком-радистом. Валя побывал в Будапеште и Вене. За бои у озера Балатон его наградили орденом Красной звезды. Когда часть переезжала на Дальний Восток, Валя, по приказу генерал-полковника был оставлен в Москве учиться.

Таковы эти мальчики. Они видели жизнь, они знают, что такое война. В их поведении — сдержанность военных людей. Но они остаются ребятами, и школа, приучая их к строгой дисциплине, одновременно возвращает им детство. Весело, шумно, задорно выбегают воспитанники на школьный двор, чтобы с увлечением поиграть в хоккей.

А потом, после обеда и отдыха, по всей школе гремит музыка боевая...

Красная Армия бережно относится к своим воспитанникам.

Успехи школ военно-музыкантских воспитанников отмечены предоставленным им почётным правом: открывать парады на Красной площади. Сорок маленьких барабанщиков выступают впереди войск, проходящих торжественным маршем перед мавзолеем Ленина.

Инспектор оркестров Красной Армии генерал-майор С. Чернецкий пишет о них:

«Отличная подготовка маленьких барабанщиков всегда обеспечивала ответственный момент — начало торжественного марша, когда они правильно дают всем войскам уставной темп. Особенно высокую подготовку показала группа барабанщиков на параде Победы».

В этой группе были мальчики, о которых мы рассказали выше.

Все, кроме Гени Смирнова: он слишком ещё мал для семидесятисантиметрового строевого шага.

Серёжа Рожко играет «зорю» на трубе.

ТЕАТР, СОЗДАННЫЙ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Фото О. Кнорринга

Центральный театр Красной Армии был создан в 1929 году. С того времени — в годы мира и в дни войны — он всегда со своей родной Красной Армией. Постоянного зрителя театр принимал зимой в своём величественном здании. Летом он выезжал в округа, в лагери.

Когда началась война, одна из бригад театра находилась в лагере, недалеко от южной границы. Вместе с бойцами и офицерами артисты разделили все трудности боевой жизни.

Много интересных эпизодов, полных неподдельной героики, могут вспомнить и рассказать артисты театра. Рискуя жизнью, они ползком по снегу пробирались к месту очередного выступления, давали спектакли в землянках, где часто артисту нельзя было даже встать во весь рост и все сцены приходилось проводить сидя на табуретке.

Три тысячи выступлений на фронте записаны на боевой счёт артистов театра, восемнадцать бригад которого работали в Действующей Армии.

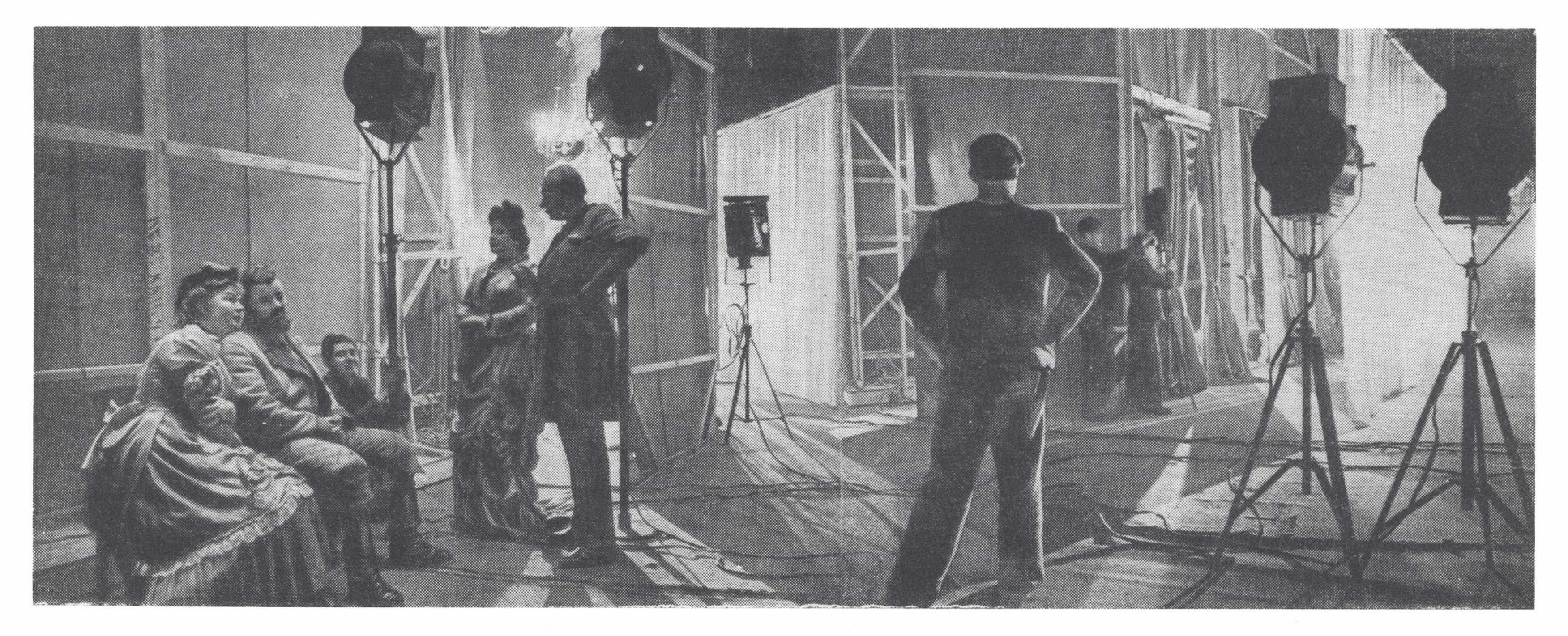
Но вот кончилась война, с победой стали возвращаться домой воины-герои, которых театр воспевал в своих постановках. В театр приходили почётные зрители — солдаты, офицеры, генералы, маршалы, обеспечившие нашему народу победу над жестоким врагом.

На спектакле «Сталинградцы» побывал трижды Герой Советского Союза маршал Г. Жуков. Он аплодировал актёрам и, вернувшись в Берлин, порекомендовал генерал-полковнику В. Чуйкову, оборонявшему Сталинград, посмотреть этот интересный спектакль. Приехав в Москву, Василий Иванович Чуйков не замедлил придти на спектакль. В беседе с артистами и А. Д. Поповым, художественным руководителем театра, В. И. Чуйков отметил, что театру удалось правдиво передать волнующие черты этой героической эпопеи.

Весёлый смех перекатывается под сводами зрительного зала, когда недавние фронтовики смотрят комедии, которыми так богат репертуар театра.

В спектакле «Сталинградцы» театру удалось правдиво передать волнующие черты героической эпопеи Сталинграда.

Идёт действие... Исполнители основных ролей в пьесе «Копилка» ждут в глубине сцены, за декорациями, знака помощника режиссёра, чтобы выйти на сцену. У софитов дежурят осветители.

Посмотрев спектакль «Сталинградцы», Василий Иванович Чуйков поделился своими впечатлениями... Справа налево: художественный руководитель театра А. Д. Попов, генерал-полковник В. И. Чуйков, исполнитель роли командарма Дыбина А. Е. Хохлов, исполнитель роли начальника штаба А. П. Хованский.

Сосредоточенно слушают и смотрят они спектакли, рассказывающие о героическом прошлом великого русского народа, о его смелых полководцах, о героике Отечественной войны.

Сейчас в театре заканчивается работа над пьесой М. Алигер — «Сказка о правде» — о жизни и подвиге Зои Космодемьянской. Решено поставить инсценировку романа И. Тургенева «Накануне» (автор инсценировки А. Арбузов). Мечтает театр о современной пьесе, в которой было бы воплощено всё величие советского человека...

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

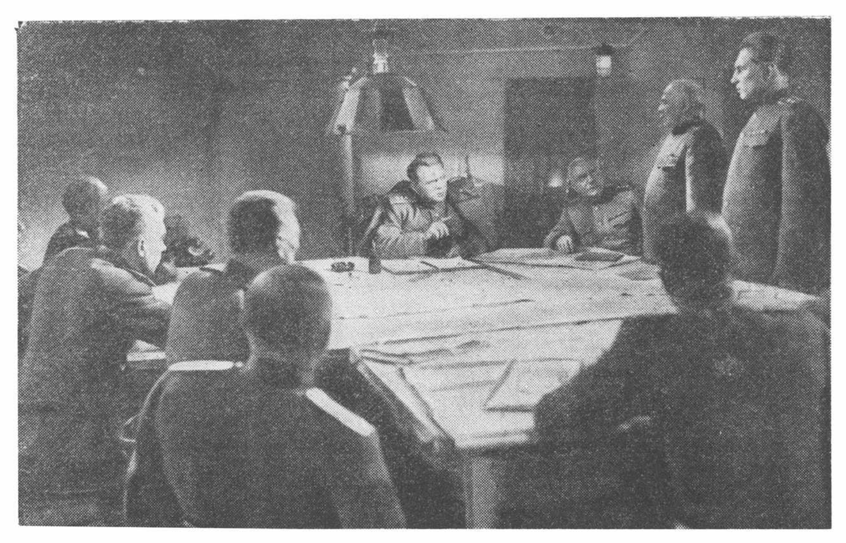
КАК СНИМАЛСЯ ФИЛЬМ «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

Это произошло ещё в дни войны. К директору киностудии «Ленфильм» вошёл режиссёр Ф. Эрмлер. В то время он приступал к постановке фильма «Великий перелом» по сценарию Б. Чирскова.

Эрмлер попросил принять группу генералов. Директор охотно согласился. Несколько минут длилась оживлённая беседа. Только прощаясь с гостями, директор стал узнавать в них актёров, приглашённых для съёмок в картине. Когда шутка была раскрыта, Эрмлер объяснил, что ему важно было проверить, насколько правдоподобно выглядят его будущие исполнители, и что он вполне удовлетворён результатом своего эксперимента.

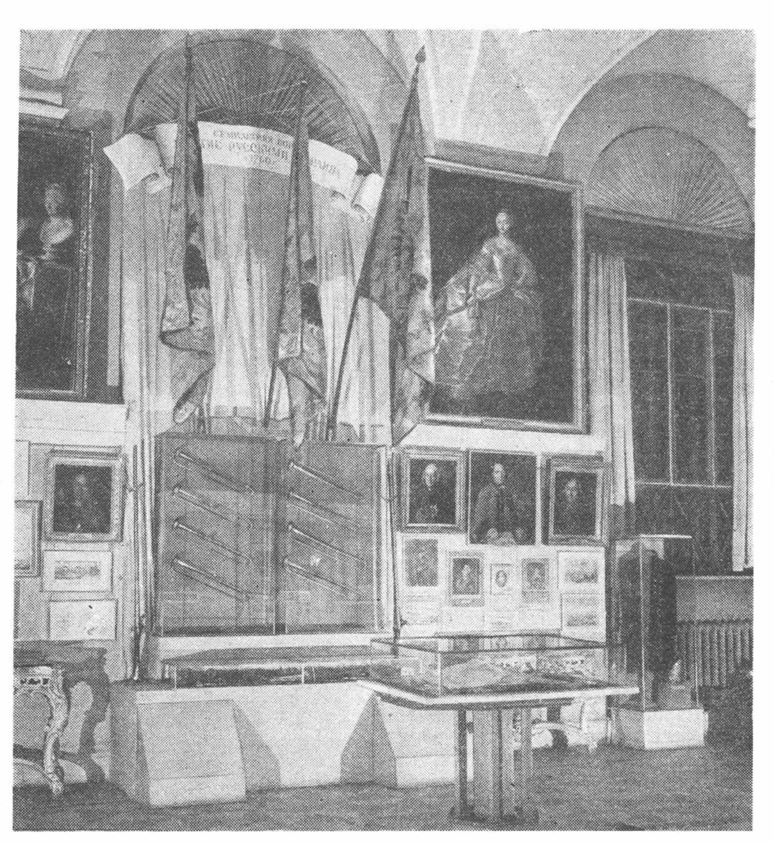
— Герои фильма,—говорит Ф. Эрмлер,— должны быть настоящими военными. Их поведение в любых обстоятельствах должно было отвечать требованиям военного устава.

Вообще слово «устав» в те дни было очень распространено в студии. Когда я замышлял какую-нибудь вольную мизансцену, когда актёр слишком эмоционально жестикулировал, когда оператор мечтал о какомнибудь особенном ракурсе, мы вспоминали, что «это по уставу не допускается».

Кадр из фильма «Великий перелом». Совещание у генерал-полковника Муравьёва (артист М. Державин).

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ШЕФ

Серебряные трубы «За взятие Берлина», хранящиеся в Государственном Историческом музее.

Среди многочисленных боевых отличий старой русской армии почётное место занимают серебряные трубы «за взятие Берлина».

Эти исключительные награды, которыми были отмечены полки, бравшие в 1760 году штурмом прусскую столицу, выносились перед фронтом при парадах и церемониях и располагались особо на правом фланге своих частей.

С серебряными трубами связан интересный эпизод, происшедший с последним германским императором Вильгельмом II.

Приехав с приветственным визитом в Россию, Вильгельм был назначен шефом 85-го пехотного Выборгского полка, участвовавшего во взятии Берлина. Этот полк принимал участие в больших армейских маневрах. По окончании маневров был назначен общий парад всем войскам. По военному регламенту, шефы полков должны находиться на правом фланге своих подшефных частей.

Вильгельм в форме 85-го пехотного полка подъехал заблаговременно к колонне и по-русски поздоровался с полком. Объехав солдат по фронту, он возвратился на правый фланг и вступил в разговор с полковым командиром. Заметив перед музыкантами особо длинные блестящие серебряные трубы, обвитые орденскими георгиевскими лентами с кистями, и не зная боевого прошлого подшефного полка, Вильгельм спросил:

— За какие отличия пожалованы эти трубы?

Он получил точный ответ командира:

— За взятие Берлина.

Это попало буквально не в бровь, а в глаз Вильгельму, который, видимо, смешался, но решил ответить:

— Ну, больше этого, конечно, не будет!

Мы знаем, как ошибся Вильгельм II.

Вильгельм продолжал оставаться шефом Выборгского пехотного полка до начала первой мировой войны, когда последовало общее распоряжение об отмене иностранного шефства над всеми частями старой армии.

Случай с трубами не был единичным конфузным эпизодом во время последнего приезда Вильгельма в Россию. Прибыв после маневров в Зимний дворец и проходя на отведённую ему половину, он обратил внимание на большую картину, изображавшую какое-то военное событие. Большие здания на картине показались ему знакомыми. Вильгельм подошёл к стене и с удивлением прочитал: «Художник Коцебу — Вступление русских войск в Берлин в 1760 году». Это была вторая, не менее горькая пилюля, поднесённая ему в России.

В. А.

ПРАВДИВЫЕ РАССКАЗЫ

Из записной книжки фельетониста

Г. Рыклин

ПОСТОЯННЫЙ ОРАТОР

Рисунки А. Каневского

По докладу секретаря партийного бюро уже высказалось семь ораторов. Это были хорошие, содержательные речи.

Затем слово было предоставлено человеку с длинными ногами и маленькой лысой головой на короткой шее.

Я присутствовал на этом собрании в качестве корреспондента «Правды» и полностью — почти стенографически—записал эту оригинальную речь:

«— Товарищи! Я хочу остановиться на работе партбюро за отчётный период. Я целиком и полностью согласен с предыдущим оратором, что в работе партбюро имеются и достижения и недочёты. Правильно я говорю? Правильно! А если я не прав, меня товарищи поправят.

Что мы, товарищи, имеем на сегодняшний день? На сегодняшний день мы имеем то, что на данном отрезке времени — и это надо сказать со всей принципиальной прямотой — нет ещё у нас внимательного подхода к отдельным товарищам.

Что?.. Не сбивайте меня, пожалуйста, я уж сам... хе-хе, как-нибудь собьюсь. Так вот... Нет, говорю я, внимательного подхода к отдельным товарищам, в особенности к активу. За примером ходить недалеко. Начну хотя бы с самого себя. Вы все знаете, какое важное значение имеет для каждого из нас изучение истории. Надо подчеркнуть со всей откровенностью, невзирая на лица, что за отчётный период я не занимался повышением своего идейно-политического уровня. Контролировало ли меня партбюро? Нет, не контролировало! Это большой пробел в работе партбюро, который мы должны записать в резолюцию.

Что?.. Если у тебя, товарищ Сидоров, есть возражение, выйди сюда на трибуну и со всей откровенностью скажи, а мешать репликами нечего... Так вот... Возьмём, к примеру, такой участок работы, как культурно-массовая работа среди населения. Не буду долго утруждать вашего внимания и останавливаться на значении этого участка. Одно скажу: это у нас на сегодняшний день запущенный участок. Ещё в прошлом году мне поручили наладить этот участок. И вот

— Контролировало ли меня партбюро? Нет, не контролировало!..

спрашивается: критиковало ли меня партбюро за то, что я не выполнял партийного поручения? Нет, не критиковало. Что и говорить, не налажена у нас ещё проверка исполнения. И это надо записать в резолюции.

Сейчас закругляюсь. У меня осталось ещё две минуты. Так вот... Мы с вами, товарищи, живём в напряжённой международной обстановке. За недостатком времени я не буду касаться империализма. Но даже младенцу ясно, какую роль на данный отрезок играет Осоавиахим. Но что творится в осоавиахимовской организации нашего учреждения?.. А?.. Что говоришь, Беляева?.. Знаю, знаю, что я председатель. Вообще об этом и хочу сказать. Плохо у нас с Осоавиахимом? Плохо. А что делало партбюро? Ничего. Спрашивается: почему оно меня терпеливо, потоварищески не подхлёстывало? Предлагаю и это записать...»

Я нагнулся к столу и спросил:

— Кто это такой?

— Наш постоянный оратор.

— Где он работает?

— В отделе калькуляции. По совместительству.

— А основная его работа?

— Трепач.

ДЬЯВОЛ

Поезд в Гусь-Хрустальный приходит в пять утра. От вокзала до центра города, если память мне не изменяет, километра три.

Хорошее осеннее утро. Приятно пройтись.

Иду в гостиницу. Там для меня приготовлена комната. Вчера из Москвы разговаривал по телефону с редактором районной газеты. Он обещал позаботиться о номере в местном отеле. А вдруг забыл?..

Вот он — гусь-хрустальный за́мок. Ну, конечно, «Европа»! На вывеске так и обозначено—«Гостиница «Европа».

Открываю дверь. Вхожу. В «Европе» шум. Кто-то ворчит, кто-то шумит, кто-то распоряжается.

Пробегают две запыхавшиеся женщины с вёдрами и щётками. На меня не обращают внимания.

Бегу за ними.

— Тётеньки, — кричу я, — где тут заведующий?

Они сердито машут на меня щётками и вёдрами:

— Не до тебя тут. Иди, откуда пришёл!

— А в чём дело? — спрашиваю. — Что у вас за суматоха?

— Какой-то дьявол из Москвы должен приехать. Вот всю ночь — чтоб ему тошно было! — моем и скребём всю гостиницу.

— А где же заведующий?

— Побежал куда-то за ковром. Ну, иди, иди, некогда нам с тобой. А то вот-вот нагрянет этот дьявол...

Этим дьяволом оказался я. И вот почему. Накануне редактор районной газеты позвонил заведующему «Европой»:

— Завтра должен приехать один фельетонист из Москвы. Номер свободный есть у тебя?

А потом шутки ради добавил:

— Он сердитый. Ещё пропишет тебя в газетах. Так что старайся.

Он и постарался. Даже перестарался.

А номер я получил только после нового вмешательства редактора газеты.

— Не до тебя тут! Иди, откуда пришёл!..

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТАРЫЕ ЖУРНАЛЫ...

ДВЕ БЕДЫ

Композитор: Я родился в день смерти Верди!

Дама: Да, всегда так бывает: одна беда ведёт другую.

СМЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

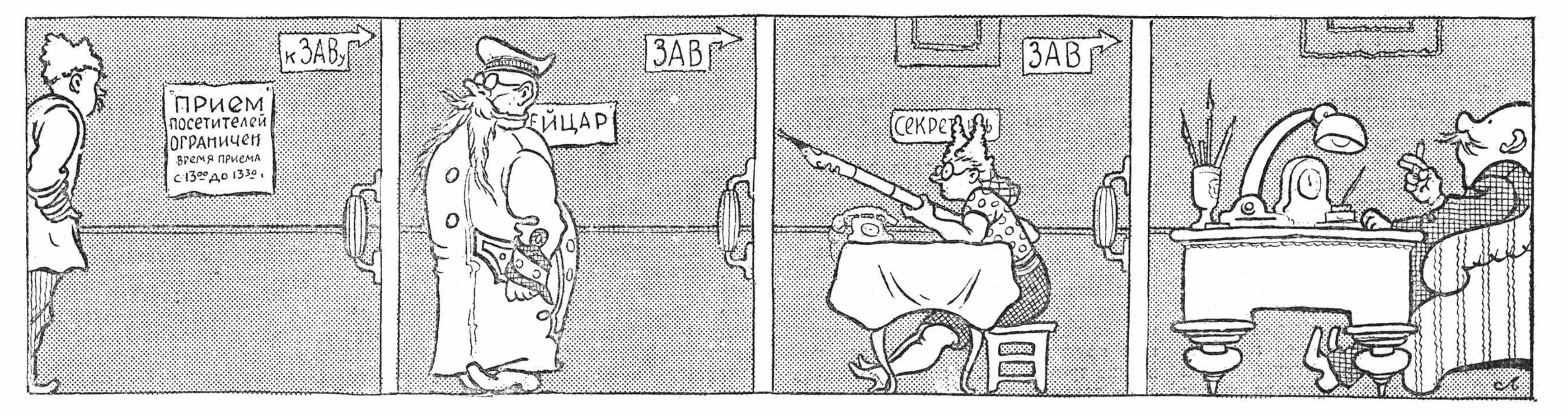
— Совершенно верно, господа присяжные заседатели: мой подзащитный действительно украл у этой госпожи пианино. Но примите во внимание то благодеяние, которое он тем самым оказал её соседям сверху, снизу и с боков!..

ЗАБОТЛИВОСТЬ

— В ваш глаз попало насекомое? Я позову профессора.

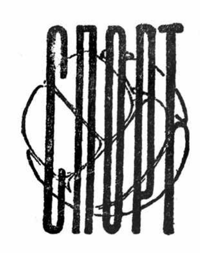
— Разве он поможет?

— Может, и нет, но он собирает насекомых.

Полоса сближения... Предполье... Передний край обороны... Главные силы...

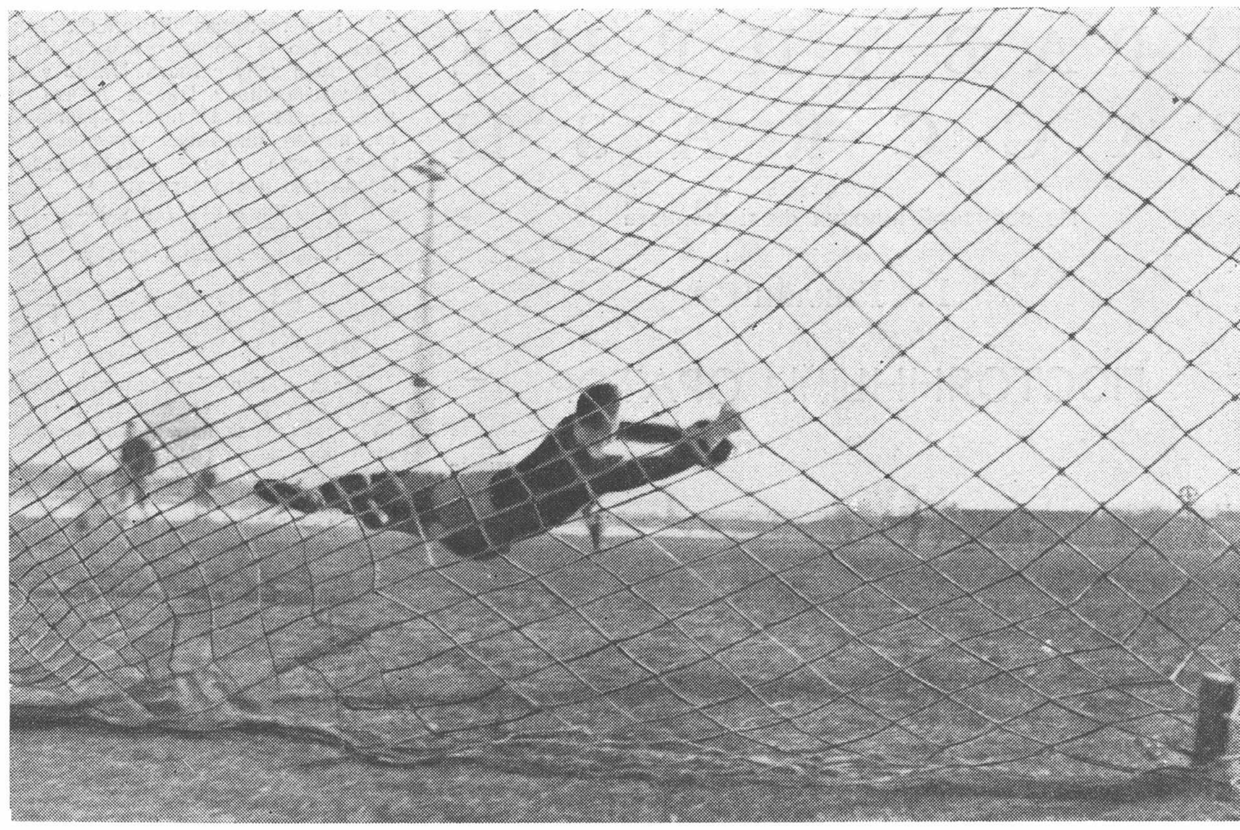
Рисунки В. Лыскова

ЮГОСЛАВСКИЙ НОГОМЁТ

Лев Кассиль

Фото А. Григорьева

На матче «ЦДКА» — «Партизан» в Белграде. Вратарь Никаноров берёт мяч.

Льёт дождь, холодный, декабрьский дождь, который так часто заливает зимой Белград в промежутках между двумя короткими снежными буранами. Потоки воды на площади Славия, на улице Краля Милана, на Терразии и на бульваре Красной Армии... Но, презрев все каверзы погоды, десятки тысяч белградцев спешат к стадиону. Переполнены все трамваи, и болельщики — они везде одинаковы: что в Москве, что в Лондоне, что в Белграде — висят на подножках вагонов, сидят на крышах, осаждают извозчиков, и вы видите, как на заднем буфере великолепного лимузина пристроилась немолодая пара, и отец фамилии придерживает за талию свою азартную супругу, укрывшись с ней под огромным семейным «кишебраном», т. е. зонтом.

В высокую и лёгкую решётку над входной аркой стадиона вделаны металлические буквы: «20 Октобар». Название стадиона хранит память о незабываемой дате в новой истории югославского народа: 20 октября 1944 года Народно-освободительная армия Югославии при могучей поддержке войск Красной Армии вышвырнула немецких оккупантов из Белграда. Вглядитесь в тех, кто сидит около вас на трибунах вместительного стадиона! Сколько здесь молодых девушек и юношей в лёгких шапочках-пилотках с красной звездой, в походных комбинезонах, с партизанскими значками и медалями на груди... Какие открытые, чистые и решительные лица, словно освещённые изнутри гордым сознанием отвоёванной свободы. Это те, кто ещё год назад был «в лесу» — так называют югославы период героической освободительной борьбы, головокружительных походов через горы, партизанских рейдов и скитаний в лесах. Из «лесу» вышли и многие из тех, кого жаждут увидеть сегодня на мокром стадионе десятки тысяч зрителей...

Но вот всё пришло в движение. Тысячи людей вскакивают на скамьи. Взоры всех обращены к небольшой ложе на центральной трибуне. Там, за барьером, покрытым трёхцветным национальным флагом Югославии, появляется человек в кожаном пальто военного покроя и маршальской фуражке. Нет человека на стадионе, который бы мгновенно не узнал его. И если вы побыли хотя бы один день до этого в Югославии, вы тоже сразу узнаете это мужественное, прекрасное, полное открытой и ясной отваги лицо, которое уже видели на сотнях портретов. А вокруг вас тысячи людей стоят, машут руками, шапками, пилотками, шляпами и сливают свои возгласы в одно огромное, ритмически произносимое, дружно повторяемое всем стадионом слово: «Ти-то!.. Ти-то!.. Ти-то!..»

Сам маршал Югославии приехал сегодня на стадион, чтобы посмотреть интересную «утакмицу» — матч. Сегодня день большого «ногомёта» — так называют в Югославии футбол. И белградцы шумно приветствуют выходящих на поле ногометателей кожаного мяча, или, как их здесь ещё называют, «футболеров».

Югославы имеют все основания гордиться своими «футболерами». Они снискали громкую славу среди лучших команд Европы. Знаменитые футбольные клубы «Югославия» и «БСК» (Белградский спортивный клуб) входили в число первоклассейших команд европейского континента. Самые известные команды Европы считали за честь встретиться на поле игры с искусными, энергичными и темпераментными игроками Югославии. Белградский зритель тонко разбирается во всех деталях и перипетиях игры, его не увлечь дешёвыми трюками, бьющими на эффект, но мало что дающими в серьёзной борьбе. Белградский зритель видел на своих стадионах все лучшие команды мира. На стадионах Югославии побывали итальянцы, испанцы, венгры, чехи, румыны. И редко кто покидал Югославию, не имея в своём пассиве хотя бы одного поражения... Знаменитейшие футболисты других стран ехали в Югославию всегда с некоторой опаской. Им были хорошо известны стремительность и мастерство югославских «футболеров».

По установившейся традиции, мы, размышляя или говоря о мировом классе футбола, привыкли обращать свой взор на северозапад, в сторону Англии. Действительно, прославленные английские профессионалы кожаного мяча, родоначальники футбола, долгое время считались непобедимыми. Поэтому такой фурор в спортивных кругах всего мира вызвала поистине триумфальная поездка московских динамовцев, сыгравших, как известно, против лучших команд Великобритании с внушительным счётом 19 : 9. Но мало кто знает, что английские чемпионы футбола встретили весьма грозных соперников для себя и среди югославских мастеров.

В 1939 году сборная команда Англии приезжала в Белград. В составе английской команды были самые популярные игроки Британии. Ворота сборной Англии защищал хорошо известный нашим динамовцам Вудли. Одним из беков был прославленный Хэпгут. В нападении играли знаменитый Томми Лаутон и никем пока ещё не превзойдённый по мастерству «игрок № 1» Англии—Стенли Метьюз. Против этой могучей сборной команды выступила «Репрезентация», т. е. сборная Югославии. Матч кончился победой югославов с результатом 2 : 1.

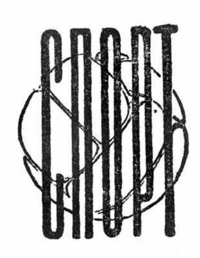

Команда «ЦДКА» в Югославии.

Ещё более солидное поражение понёс приезжавший в Югославию известный лондонский клуб «Чэлси». Югославы выиграли у него со счётом 6 : 2... О югославских футболистах стали поговаривать как о претендентах на мировое первенство.

Война остановила этот расцвет югославского спорта. В горькие годы немецкой оккупации спортивная жизнь в Югославии замерла. Многие популярнейшие спортсмены югославского народа, в том числе и футболисты, ушли «в лес», где с оружием в руках добивались освобождения своей родины от фашистских захватчиков. В полном составе ушли в леса и горы популярные команды города Сплита. Одна из них целиком погибла в неравных боях против немецких войск. Другая прошла исключительный по трудности путь и вернулась домой, на родной стадион, с победой и славой. И нет человека в Сплите, который бы не знал наперечёт всех игроков этой знаменитой команды «Хайдук». Маршал Тито наградил её боевым орденом. Спортивная слава сплитских футболистов слилась с новой, боевой славой, заработанной «в лесу».

В 1945 году команда «Хайдук» совершила длительное турне по Италии, Египту, Сирии и Палестине. Побывал «Хайдук» и на Мальте. Команда играла с сильнейшими футболистами итальянских, египетских, сирийских клубов, встречалась с английскими армейскими командами. Из двадцати

Зрители на трибуне. На переднем плане — маршал Иосип Броз-Тито.

одной встречи, прошедшей во время этой поездки, «Хайдук» пятнадцать раз выходил победителем, три раза сводил игру вничью и лишь три раза проиграл.

Быстро восстанавливается и расцветает жизнь в спортивных клубах Югославии. На самом большом стадионе Белграда, названном теперь «Стадионом 20 Октября», исправили поле, заделали огромную яму, вырытую немецкой фугаской. При Доме югославской народной армии создана первоклассная футбольная команда «Партизан». Она быстро приобрела огромную популярность в стране. За короткий срок молодая команда добилась прекрасных успехов, став одной из сильнейших команд Югославии. Талантливый, напористый, исключительно дружный в игре коллектив «Партизана» провёл в прошлом году одиннадцать ответственных игр, забив в ворота своих противников 57 мячей и пропустив лишь 8 голов в свою сетку. «Партизан» имел за это время лишь одно поражение — от одной из сильнейших команд Европы, сборной команды Праги. В составе «Партизана» играют любимейшие футболисты Югославии: бек Чайковский и центрфорвард Бобек.

В 1945 году было снова разыграно футбольное первенство Югославии. Первое место и звание чемпиона Югославии завоевала сборная команда Сербии. Большинство игроков её составляли футболисты самого сильного югославского клуба «Црвена звезда» («Красная звезда»).

Югославская команда «Хайдук».

Команда «Красная звезда», признанная фактически чемпионом страны, недавно завоевала официальное звание «првака», т. е. чемпиона, Белграда. Она победоносно прошла через весь розыгрыш футбольного первенства югославской столицы, не имея ни одного поражения, лишь один раз сыграв вничью (с командой «Металац», занявшей второе место). 68 мячей забили форварды «Красной звезды» в ворота своих соперников. А в сетке чемпиона побывало за всё это время лишь 7 мячей.

Блистательными атаками «Красной звезды» руководит центр нападения — один из самых сильных футболистов Югославии — Райко Митич. Опытный и хладнокровный игрок, в совершенстве владеющий всеми техническими тонкостями игры, он прекрасно распределяет мячи, беспрерывно создавая положения, весьма выгодные для своих инсайдов (полусредних нападающих). На месте правого полусреднего в «Красной звезде» играет популярнейший в Югославии форвард Коста Томашевич. Из 68 мячей, забитых «Красной звездой» во время розыгрыша первенства Белграда, 21 мяч вошёл в сетку противников от Томашевича. Беспрерывные возгласы с трибун: «Напред, Райко! Пуцай, Коста!» («Вперёд, Райко! Бей, Коста!») — сопровождают игру этих великолепных форвардов, которым нашлось бы почётное место в любой первоклассной команде Европы.

Самым значительным событием в футбольном сезоне Югославии за последний год был приезд наших армейских футболистов — команды «ЦДКА».

Как известно, встречи «ЦДКА» с сильнейшими югославскими футболистами увенчали новой славой наших армейских спортсменов.

Победы над футболистами Югославии не легко дались мастерам «ЦДКА»: югославские футболисты — закалённые и многоопытные игроки. Они умеют быстро применяться к любым тактическим хитростям противников. Здесь сказывается огромный международный опыт, который имеется у лучших футболистов Югославии. Кроме того югославские футболисты привыкли играть в «ногомёт» круглый год, при всякой погоде, при любом состоянии поля. А поля в Югославии большей частью лишены травяного покрова. И первый матч «ЦДКА» в Югославии с «Партизаном» проходил на совершенно размокшем поле, превратившемся в болото. Несмотря на эти тяжёлые и совершенно непривычные для наших игроков условия футболисты Красной Армии выиграли матч со счётом 4 : 3. Интересно отметить, что до самой последней минуты матча счёт был 4 : 2 в пользу «ЦДКА». Но на последних секундах игры энергичные футболисты югославской армии забили ещё один мяч. На стадионе в этот день было около 30 тысяч зрителей, шумно и радушно приветствовавших наших армейских футболистов. Приехал посмотреть на игру футболистов Красной Армии и маршал Тито, который потом шутя признавался нам, что он болельщик своей команды «Партизан».

Если во время первой белградской встречи мяч увязал в трясине, то при следующей игре, в Загребе (Хорватия), ему грозило обледенение. Игра в Загребе шла на жёстком гаревом поле при сильном снежном буране и 7-градусном морозе. Поле смёрзлось, стало скользким. Вскоре его покрыл рыхлый слой снега. Метель раздувала сетки на воротах, слепила снегом глаза игроков. У нашего вратаря Никанорова, игравшего, как обычно, без перчаток, так закоченели руки, что он не мог удержать сравнительно лёгкий мяч... В итоге встреча со сборной командой Хорватии, значительно более слабой, чем команда «Партизан», едва не окончилась поражением наших футболистов... Лишь за несколько минут до конца левому краю «ЦДКА» Дёмину удалось сквитать счёт — и игра окончилась с ничейным результатом — 2 : 2.

В то время как в Белграде свирепствовала метель, а в Загребе начались дожди и оттепель, в Далмации, на берегу Адриатического моря, жарко светило солнце. Путь к морю, который проделали футболисты «ЦДКА», был буквально усыпан цветами: население городов Югославии восторженно встречало советских спортсменов. Матч в Сплите привлёк так много зрителей, что пришлось специально достраивать стадион. Встреча со знаменитой командой «Хайдук» была выиграна «ЦДКА» со счётом 2 : 0.

Все в Югославии с нетерпением ждали последней игры «ЦДКА». Армейским футболистам предстояло встретиться с чемпионом Белграда — «Красной звездой», не знающей поражений на своей земле. Несмотря на ливень 25 тысяч зрителей собрались к началу матча на стадионе. Грязь на поле была такая, что командам пришлось выходить из раздевалки по специально наведённым мосткам, положенным через беговую дорожку, которая напоминала разлившуюся реку. Несмотря на очень упорное сопротивление югославов игра вскоре обнаружила значительное преимущество «ЦДКА». Защитники Прохоров, Кочетков и Василий Соколов совершенно парализовали грозных форвардов — Митича и Томашевича. Футболисты Красной Армии, уже освоившиеся с невыносимо тяжёлым грунтом, показали себя на этот раз во всём своём блеске. Югославские футболисты явно уступали им также и в физической выносливости. И матч окончился победой «ЦДКА» со счётом 3 : 1.

После матча маршал Тито принял у себя в загородной резиденции советских футболистов и сердечно поздравил их с успехом.

— Должен сказать, что мало кто уезжал от нас с такими результатами,— заметил маршал и выразил надежду, что наши спортсмены ещё не раз встретятся в дружеском состязании с сильнейшими футболистами Югославии.

Почему мы так говорим

ЭРА

Разные народы вели счёт годам от различных событий. Греки, начиная с 776 года до нашего летоисчисления, считали годы по олимпиадам. Византия, а под её влиянием и Русь до Петра I считали «от сотворения мира». Магометанский календарь ведёт счёт от бегства Магомета из Мекки в Медину (наш 622 — у магометан первый год). В Европе до VI века счёт лет производили от вступления на престол императора Диоклетиана. В VI веке монах Дионисий на основании сомнительных рассуждений «определил», что Христос родился за 284 года до вступления на престол Диоклетиана. В конце концов, по религиозным соображениям, и был введён этот счёт от мифического «рождества христова».

Систему счёта от различных событий мы называем эрой («христианская эра», «эра Диоклетиана»). Как же возникло самое слово «эра»? В Александрии некогда существовал счёт лет от воцарения римского императора Августа Октавиана. По-латыни это значило: «аб экзордио регни Августи» — «от начала воцарения Августа». Из первых букв этих слов («аэ» читается как «э») и составилось слово «эра».

ПОЧТА

В наши дни почта занимается доставкой писем, газет, посылок. Фраза «я прибыл почтой» по меньшей мере удивила бы собеседника. Между тем до появления в прошлом веке железных дорог основным назначением почты была перевозка людей.

Система почтовых передвижений существовала ещё в глубокой древности. Её значительно развили римляне. На определённом расстоянии устанавливались станции, на которых всегда находились запасные лошади. Путник останавливался на этих станциях только для смены лошадей: тогда путешествие могло совершаться непрерывно и относительно быстро. От этой системы и создалось слово «почта». По-латыни «класть» — «понере». «Экви позита» значило «подставные кони». Это «позита» видоизменилось на разных языках в пост, поста, пошта и почта.

И. Уразов

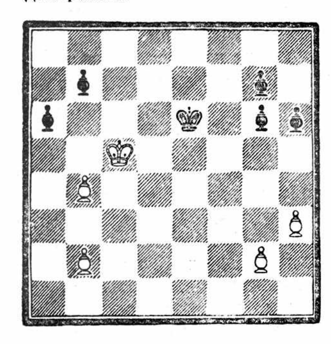
ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера М. М. БОТВИННИКА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭНДШПИЛЯ

В чемпионате СССР 1944 года моя партия с гросмейстером Флором была отложена на 41-м ходу. Ладейный конец был в мою пользу, но после тщательного анализа пришлось придти к выводу, что только размен ладей даёт белым шансы на победу.

В этом случае получалась позиция, изображённая на диаграмме:

Ход чёрных. Выигрыш белых или ничья?

У чёрных слаб ферзевый фланг. Если они держатся пассивной тактики и защищают пешку b7, то после 50. ... Крe6—d7 51. Крc5—b6 Крd7—c8 52. h3—h4! чёрные неизбежно попадают в цугцванг и проигрывают, например: 52. ... Крc8—b8 53. b4—b5 a6 : b5 54. Крb6 : b5 Крb8—c7 55. Крb5—c5 Крc7—d7 56. Крc5—b3 Крd7—c8 57. b2—b3. Крc8—b8 58. b3—b4 Крb8—a8. 59. Крb6—c7 Крa8—a7 60. b4—b5 Крa7—a8 61. b5—b6 g6—g5 62. h4—h5 g5—g4. 63. g2—g3 и т. д.

Но чёрные могут играть активно, используя в свою очередь слабость ферзевого фланга белых. Пока что у чёрных есть один темп для активизации своих пешек на королевском фланге. Итак:

50. ... g6—g5 51. Крc5—b6 Крe6—d5! 52. Крb6 : b7 Крd5—c4 53. Крb7 : a6 Крc4 : b4 54. Крa6—b6 Крb4 — b3 55. Крb6 — c5 Крb3 : b2 56. Крc5—d5 Крb2—c3 57. Крd5—e6 Крc3—d4 58. Крe6—f7 h6—h5! 59. Крf7 : g7 g5—g4 60. h3 : g4. h5 : g4 61. Крg7—g6 Крd4—e3 62. Крg6—g5 Крe3—f2 и ничья!

Уверенный в ничейном исходе партии, я направился на доигрывание. Неожиданно С. Флор избрал слабое продолжение и проиграл... Велико же было его огорчение, когда я показал ему приведённый выше ничейный вариант!

На этом, однако, история не закончилась. Комментируя эту партию для турнирного сборника, я заметил, что белые в этом варианте могут сыграть: 54. g2—g4!! (вместо 54. Крa6—b6) Крb4 — b3 55. Крa6 — b6 Крb3:b2 56. Крb6—c5 Крb2—c3 57. Крc5 — d5 Крc3 — d3 58. Крd5—e6 Крd3—e4 59. Крe6—f7 Крe4—f3 60. Крf7 : g7 Крf3—g3 61. Крg7 : h6 Крg3 : h3 62. Крh6 : g5 и выиграть партию!

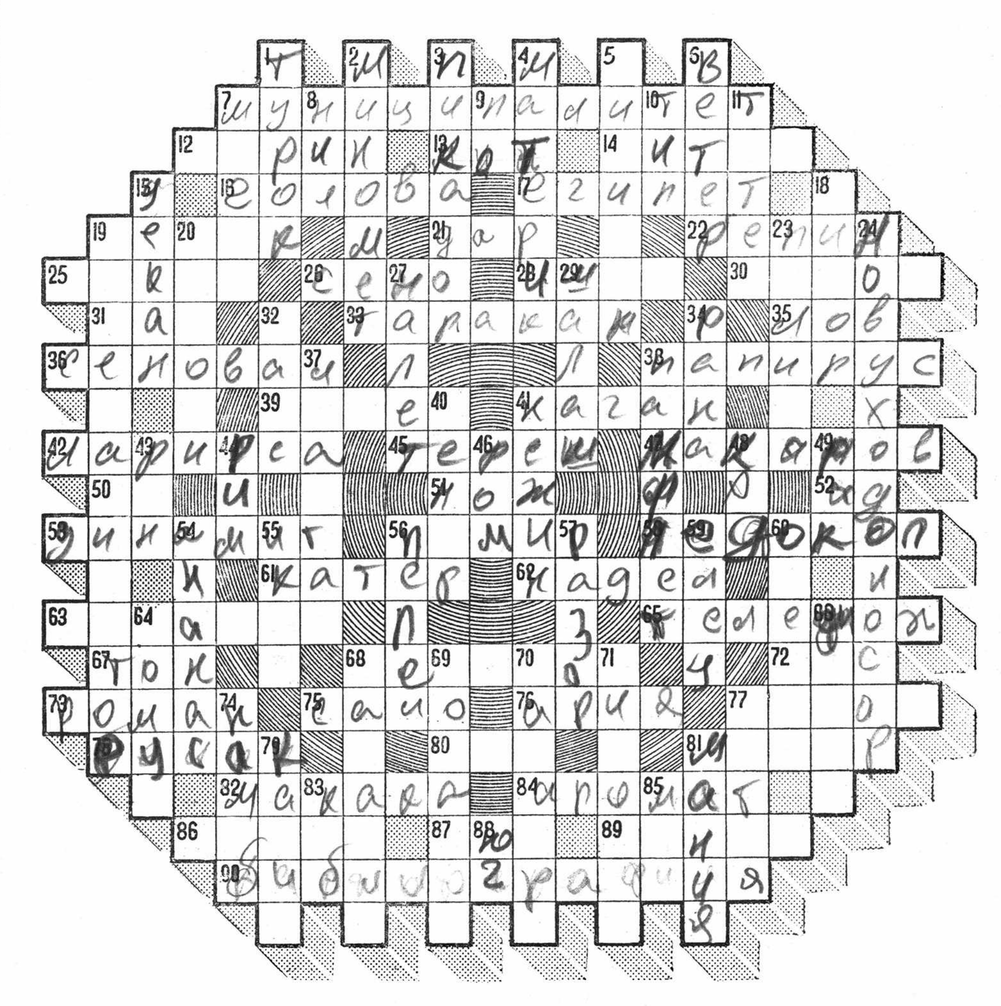
Итак, белые могли выиграть? Увы, нет... Английский любитель Корнфорт из Оксфорда предложил в начальной позиции парадоксальный ход. 50. ... h6—h5!! Его анализ опубликован в британском журнале «Chess» за прошлый год. Если теперь белые сразу играют 51. Крc5 — b6, то чёрные делают ничью, играя в должный момент g6—g5—g4, как это уже было показано в основном ничейном варианте.

Если же 51. h3—h4, то 51. ... Крe6—e5 52. Крc5—b6 Крe5—d5 53. Крb6 : b7 Крd5—c4 54. Крb7 : a6 Крc4 : b4 55. Крa6—b6 Крb4—b3 56. Крb6—c5 Крb3 : b2 57. Крc5—d5 Крb2—c3 58. Крd5—e6 Крc3—d4 59. Крe6—f7 Крd4—c4 60. Крf7:g6 (или 60. Крf7:g7 Крe4—f5) Крe4—f4 61. Крg6:h5 Крf4—g3 62. Крh5—g5 Крg3:g2 63. Крg5—g6 Крg2—g3 64. h4—h5 Крg3 — g4 и ничья очевидна.

Таким образом, гросмейстер Флор мог добиться ничьей. Можно предположить, что этот эндшпиль войдёт в основные справочники по концам игр даже в том случае, если читатель найдёт новые ошибки в этом анализе!

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» П. Крамской

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Городское самоуправление в буржуазных странах. 12. Советский художник. 13. Домашнее животное. 14. Учитель красноречия в древней Греции. 16. Часть тела. 17. Государство в Африке 19. Одна из звёзд Большой Медведицы. 21. Подарок. 22. Русский художник. 25. Воздухоплаватель. 26. Скошенная трава. 28. Птица. 30. Киргизский народный эпос. 31. Приток Дуная. 33. Насекомое. 35. Добыча рыбы. 36. Склад сена 38. Древнеегипетская рукопись. 39. Порт в Сенегале. 41. Револьвер. 42. Город в Греции. 45. Река на Кавказе. 47. Русский адмирал. 50. Приток Гаронны. 51. Кухонная принадлежность. 52. Преисподняя. 53. Взрывчатое вещество. 56. Нагорье в Средней Азии. 58. Тип судна. 61. Быстроходное судно. 62. Выделенный земельный участок в дореволюционной России. 63. Горная цепь в Крыму. 65. Средство связи. 67. Оттенок. 68. Место боёв в Крыму. 72. Злак. 73. Вид литературного произведения. 75. Жир. 76. Вокальное произведение. 77. Божество у древних славян. 78. Заяц 80. Домашняя утварь. 81 Должность на военном корабле. 82. Обезьяна. 84. Запах. 86. Город в СССР. 87. Свёрток. 89. Озеро в Казахстане. 90. Систематизация книг.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Представитель народности на Ближнем Востоке. 2. Вид оружия. 3. Участник боя быков. 4. Значительное пространство суши. 5. Химический растворитель. 6. Движение воздуха. 7. Венгерское просо. 8. Река в Африке. 9. Река в Европе. 10. Литературный образ. 11. Объект поклонения у индейцев. 15. Глава факультета. 18. Музыкальный термин. 19. Газообразное вещество. 20. Труд. 23. Древнее оружие. 24. Вавилонский царь. 27. Тревога. 29. Временная постройка. 32 Судья у мусульман. 34. Нарушение кожного покрова. 37. Орган самоуправления в Австрии. 38. Литературное произведение. 40. Французский писатель. 41. Город в СССР. 43. Английский экономист XVII века. 44. Европейская столица. 46. Алкогольный напиток. 48. Шифр 49. Речное животное. 54. Плод. 55. Герой древнегреческой мифологии. 56. Зола. 57. Обнищание. 59. Город в СССР. 60. Спутник Урана. 64. Один из мифических основателей Рима. 66. Сыщик. 68 Оградитель корабля от мин. 69. Прибор для размножения копий. 70. Род одежды. 71. Искусство вождения самолёта. 74. Разговор обиняком 77 Краснобай 79. Государство в Азии. 81 Болезненное влечение. 83. Вождь крестьянского восстания в Англии. 85. Город во Франции. 88. Страна света.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 6 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

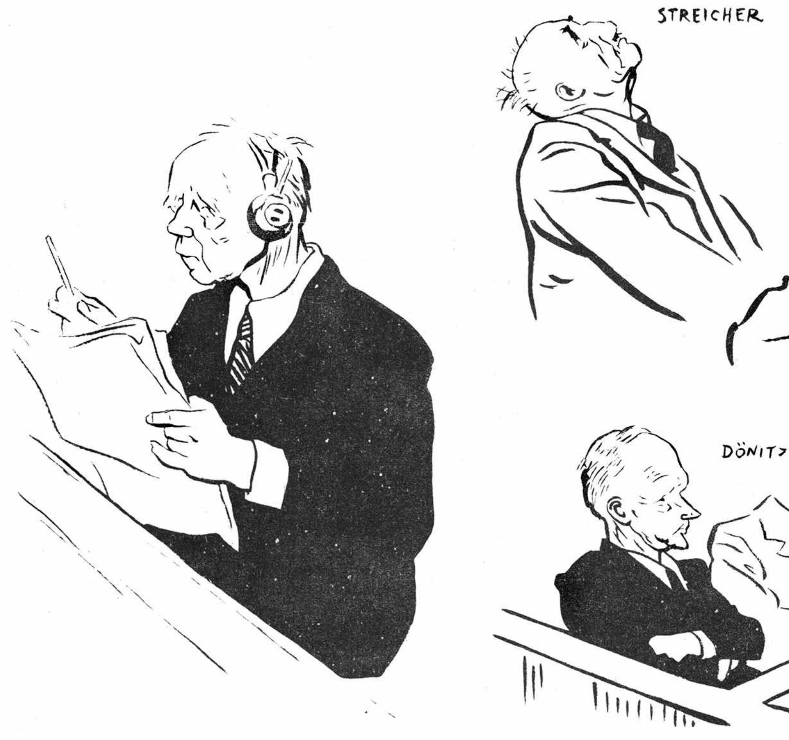
3. Бах. 5. Пан. 8. Полосатик. 11. Тук. 13. Каракал. 14. Нок. 16. Кодак. 18. Север. 19. Талон. 21. Конус. 23. Кот. 24. Рёрих. 26. Кап. 28. Камея. 29. Берет. 30. Мат. 32. Сурен. 34. Тимирязев. 35. Голос. 36. Карат. 38. Банан. 39. Бедуин. 40. Неолит. 41. Копер. 44. Витим. 46. Котёл. 47. Паралитик. 50. Тонус. 51 Кол. 52. Болид. 53. Поташ. 55. Раж. 56. Гобой. 57. Кит. 59. Рубин. 61. Шопен. 62. Сазан. 64. Моном. 65. Лаг. 66. Лилипут. 68. Том. 69. Политикан. 70. Май. 71. Рур.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Палас. 2. Катар. 3. Бок. 4. Хорёк. 5. Пакет. 6. Нил. 7. Гудок. 9. Савояр. 10. Колит. 11. Ток. 12. Канат. 14. Нарев. 15. Кох. 17. Кумир. 19. Терек. 20. Заработок. 22. Семинарий. 24. Резонатор. 25. Палатинат. 26. Кук. 27. Перепел. 30. Монитор. 31. Тон. 33. Надел. 35. Галит. 37. Тур. 38. БОВ. 41. Кок. 42. Салон. 43. Битум. 45. Муж. 47. Побег. 48. Люизит. 49. Кабот. 52. Бопал. 54. Шинок. 56. Гол. 57. Калий. 58. Тапир. 60. Ном. 62. Силач. 63. Нукус. 66. Лом. 67. Тар.

Ответственный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Издательство «Правда».
А—02009. 5½ печ. л. Подписано к печати 5/III—46 г. Изд. № 204. Тираж 150.500. Заказ 353.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Из записной книжки художника

Знаменитый английский художник-карикатурист Дэвид Лоу, наблюдавший главных военных преступников на Нюрнбергском процессе, поделился своими впечатлениями о «довольно несовершенных (по его словам) и слишком маленьких людях».

Зарисовки Лоу вряд ли можно назвать карикатурами в обычном смысле слова, в них нет преувеличения, свойственного шаржу, гротеску. Мастерским рисунком и метким словом Лоу, в сущности, лишь воспроизводит точные копии гитлеровских заправил. Подлинники сами по себе — карикатуры на людей.

Вот как Лоу рекомендует своих «героев»:

«Геринг выглядит «боссом» всей этой компании. Этот, вечно беспокойный, преступник прислоняется то к одной стороне скамьи, то к другой; он не знает, куда девать свои маленькие ручки. Он то поправляет волосы или вытирает рот, то поглаживает щёки или прислоняет подбородок к барьеру».

«Лицо Гесса имеет цвет трупа. От Гесса остались только кожа и кости. Он облысел, у него дико блуждающие, глубоко запавшие во впадины глаза. Он нервно подёргивается, его движения резки».

«Боже мой, неужели это Штрейхер? Не проклятая обезьяна, а человечек с нервными, характерными подёргиваниями. У него есть особый приём: он закидывает голову назад, изучая потолок с таким видом, будто думает о высоких материях».

«Риббентроп — ярко выраженный наглец. Здесь, на процессе, он совершенно изменился, превратившись в скромного на вид человека, похожего на частного ходатая по делам, с взлохмаченными волосами, сжатыми губами и большими очками».

«Функ — с наушниками, приставленными будто рога к толстому болезненному лицу, с головой, приделанной к маленькому неуклюжему телу, похожему на выпирающую снизу водосточную трубу».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА СССР ОХРАНЯЕТСЯ НЕПРЕРЫВНО НА ВСЯКОЙ МЕСТНОСТИ, В ЛЮБУЮ ПОГОДУ, В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА И СУТОК И ВО ВСЯКИХ УСЛОВИЯХ.